

Дотянуться до звёзд

Автор:

Эмма Скотт

Дотянуться до звёзд

Эмма Скотт

Freedom. Романтическая проза Эммы Скотт

Он поклялся никогда не влюбляться.

Она подарила ему шанс дотянуться до звезд...

Я влюбилась в Коннора. В его стихи, в его слова, которые проникают мне в самое сердце, в его прекрасную душу. Он понимает меня так, словно читает мысли. И я не могу, да и не хочу бороться со своими чувствами.

Но если я люблю Коннора, тогда почему меня как магнитом тянет к Уэстону? Высокомерному, угрюмому, острому на язык Уэстону, чей ледяной взгляд обжигает. Ни один из нас не может отрицать тех искр, что вспыхнули между нами.

Когда волею случая Коннор и Уэстон отправляются в армию, в горячую точку, я понимаю, что мое сердце они забрали с собой. Я мечтаю, чтобы у них был шанс вернуться из этого ада невредимыми. Но что, если любовь может спасти лишь одного из них? Смогу ли я сделать такой выбор?

Эмма Скотт

Дотянуться до звёзд

© Ефимова Е., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020»

Благодарности

Робин Хилл, даже если я не напишу больше ни строчки, то все равно буду слать тебе электронные письма и звонить по сто раз на дню, потому что нам всегда найдется, что обсудить. Спасибо тебе за каждый день! Я так тебя люблю. Мелисса Петерсон, ты – моя семья и неустанно это демонстрируешь. Ты всегда в моем сердце.

Джоанна, благодаря тебе я находила силы и уверенность, которые помогли мне закончить эту книгу. Спасибо, что подтолкнула меня напоследок, так что я смогла взять эту высоту. Люблю тебя.

Грей, Сара, Анджела, Сьюэнн и мама, спасибо вам, что помогли превратить груды слов в нечто, что, как я надеюсь, воздаст дань уважения шедевр Эдмона Ростана.

Эми Бёрк Мэстин, я вижу дом, который вы для нее построили, и это придает мне сил. Никаких благодарностей не будет достаточно.

Джоанн и Шерон, спасибо за помощь. Вы направили меня прямоиком к одному из моих главных источников комфорта. Спасибо вам, я очень вас люблю.

Джейд Уэст, благодарю за то, что понимаешь, какая это редкость – полноценный ночной сон; с каждым днем мы все сильнее и сильнее.

Кейт Стюарт, уже одно то, что я знаю о твоём существовании в этом мире, дарит мне покой. Я очень тебя люблю.

Кеннеди Райан, ты – дар человеческой расе, и я благодарю Вселенную за то, что наши пути каждый день пересекались, а теперь идут рядом, и, надеюсь, так будет всегда (а вдоль этой дороги будет бежать милый бордюрчик, рядом с которым мы сможем останавливаться и исполнять серенады для всех окружающих, даже если они этого и не желают). Люблю тебя.

Обращаюсь к фанатам этой книги. У меня просто нет слов, чтобы выразить свои чувства. Объем поддержки, сопереживания и любви, который вы выказали мне и моей семье, просто огромен. Я никогда не смогу как следует отблагодарить вас за то, что вы не только поддерживали меня во время острых мук творчества, но и были со мной в самые долгие одинокие дни. Спасибо, что не бросили меня одну, что помните обо мне. Вы яркий пример того, как женщины могут поддерживать женщин – не только меня, но и многих других. Я перед вами в неоплатном долгу. Спасибо, я всех вас люблю.

Плейлист

«Father of Mine» Everclear

«Ocean Eyes» Billie Eilish

«Be Mine» Ofenbach

«I Feel Like I'm Drowning» Two Feet

«Just Friends» Morgan Saint

«Little Lion Man» Mumford and Sons

«The Night We Met» Lord Huron

«&Run» Sir Sly

«Give Yourself a Try» The 1975

От автора

Эта книга была написана До. До того, как моя жизнь изменилась навсегда. До того, как я вошла в темный лес и поняла, что не могу вернуться обратно тем путем, которым туда забрела, потому что он для меня навсегда закрыт. Сам по себе роман – это история изменения и преодоления колоссальных несчастий, а за мою писательскую карьеру чаще, чем я могу сосчитать, случалось так, что искусство и жизнь переплетались самым невероятным образом. Совпадений не бывает. Нельзя повернуть назад, я могу идти только вперед, поэтому я дарю вам эту книгу, появившуюся До, вместе с надеждой и самыми лучшими намерениями, а также со всей моей любовью, потому что первый урок, который преподавало мне После, заключается в том, что самое важное в жизни – это любовь; сейчас, тогда и вечно.

Посвящение

Для Кейти,

подарок вселенной; это человек, при виде которого Иззи тут же бросилась бы вперед, чтобы ее обнять.

Для Билла,

моя любовь, мой партнер в этой жизни; мы крепко держались за руки, когда лес стал совсем непроходимым и темным, и мы до сих пор идем рука об руку, медленно выходим на свет. Я очень тебя люблю, милый, и всегда буду любить.

Часть I

Начальная школа Синклера

Пролог

«ПОЧТИ ПУСТ»

автор Уэстон Дж. Тёрнер, 12 лет

Мне было семь, когда папа от нас ушел. Тем утром он принял душ, побрился, надел костюм и галстук, как делал всегда. Выпил кофе, сидя за кухонным столом, пока мы завтракали, так же как обычно. Он поцеловал Ма в щеку, наказал нам с сестрами вести себя хорошо и уехал на своем «Ниссане Альтима». Все как обычно.

В школе, во время урока математики, которую у нас вел мистер Фицсиммонс, я почувствовал какое-то странное шевеление в животе. К полудню в животе у меня все бурлило, меня бросило в жар. Я едва успел добежать до большого серого мусорного ведра, стоявшего в дальнем углу столовой, и меня вырвало.

Преподаватель, следивший за тем, как учащиеся обедают, отправил меня к медсестре, а медсестра позвонила папе, но его не было в офисе. Пришлось Ма приехать и забрать меня, и она всю дорогу ворчала, потому что ей пришлось отпрашиваться с работы и добираться на автобусе – на нашей единственной машине ездил папа.

Мы с Ма вышли из автобуса номер девять и пошли по улице к нашему дому. Мы жили в Уоборне, в северной части города, в обшарпанном домике с синей обшивкой и белой крышей – дом находился в самом конце тупика. На улице, рядом с двумя огромными чемоданами, стоял мой отец. Он как раз запихивал один чемодан в машину, а второй лежал у его ног. Увидев нас, он замер.

Ма ускорила шаг, потом побежала, на ходу выкрикивая вопросы, все громче и громче: она хотела знать, что задумал мой отец. Она выпустила мою руку,

потому что я с трудом за ней поспевал, и оставила меня на обочине, а сама бросилась к отцу. Они что-то друг другу говорили, но я не слушал, что именно, потому что из-за температуры чувствовал себя так, словно мою голову засунули в кокон.

С каждой минутой вид у Ма делался все более испуганный, я еще никогда не видел ее такой. Она заплакала, потом принялась пронзительно вопить. Папа говорил тихо, потом вдруг вскинул руку и с размаху шлепнул ладонью по капоту машины. Как будто бомба разорвалась. Метеор упал на наш дом, разрушив все, оставив после себя гигантский кратер. Огромная выжженная дыра в груди каждого из нас.

Папа вырвался из рук Ма – она то цеплялась за него, то била – и сел на переднее сиденье автомобиля. Ма пронзительно кричала, что он не мужчина, а потом, рыдая, упала на колени и выкрикнула, дескать, уезжай и больше не возвращайся.

Папа съехал с обочины и медленно стал выбираться из тупика. Проезжая мимо меня, он притормозил и махнул мне рукой, а потом закрыл окно. Чувство вины исказило черты его лица, так что я его едва узнал.

Я замотал головой и пнул пассажирскую дверь.

Он ехал дальше. Я ударил по капоту машины. Нет!

Папа не остановился.

Секунду я стоял там, чувствуя, как кровь стучит в ушах, а лицо горит, и глядел вслед автомобилю. Потом я побежал. Я бежал за ним изо всех сил. Я кричал ему во всю мощь легких, и по моим горящим щекам текли обжигающие слезы.

Видел ли он меня в зеркале заднего вида? Наверняка видел; семилетний мальчишка кричал своему папе, чтобы тот не уезжал, и бежал со всех ног. Недостаточно быстро.

Папа прибавил скорость, свернул за угол и был таков.

Земля ушла у меня из-под ног. Я упал на асфальт, ободрав колени и ладони, дыхание вырывалось у меня из груди со свистом, я задышался от рыданий.

Позже мы узнали, что папа бросил работу несколько недель назад и три месяца не вносил арендную плату за дом. Он откладывал деньги для побега.

Думал ли он, что мы станем делать, имея на руках одну только зарплату Ма, которую она получала за стрижку волос? Переживал ли он из-за того, что мы потеряем свой домик в Уоборне? Вспоминал ли он о нас в последующие месяцы? Предполагал ли он, что мы с сестрами будем винить себя? А мы себя винили. Если бы мы были хорошими детьми, папа остался бы с нами.

Или взял бы нас с собой.

Вместо этого он забрал свои вещи и все свои принадлежности из ванной комнаты. Папа опорожнил свой шкаф с одеждой и ящики комода, увез все... кроме одного носка, черного с золотой полоской на мыске.

Я смотрел на этот одинокий носок, оставшийся в ящике комода, и представлял, как второй носок лежит в папином чемодане, путешествует вместе с ним туда, куда папа отправился. Он не потрудился взять оба носка.

Один носок не стоит того, чтобы за ним вернуться, – как и мы.

Он бросил своих детей, как тот носок, завалившийся в угол ящика комода; это было в миллион раз хуже, чем если бы ящик остался совершенно пустым.

Банк забрал наш дом. Ма начала пить много пива и была вынуждена просить денег у дяди Фила, чтобы мы смогли переехать в квартиру в южном районе Бостона.

Я сжег тот носок.

Мне было всего семь лет, но злость во мне была гораздо больше. Горячее. Как лихорадка, которая никогда не пройдет. Мне нужно было увидеть, как носок сгорает дотла. И тогда, если бы папа вернулся, я смог бы ему сказать: «Носка нет, я его сжег. Для тебя здесь ничего нет».

Папа сказал бы, что ему жаль, а я бы сказал, что уже слишком поздно, а потом выгнал бы его. Я был бы за главного, и когда папа уехал бы на своей машине, я ни за что не побежал бы следом.

Но это случилось пять лет назад, а он так и не приехал.

* * *

– У тебя только одна рубашка, поэтому не испачкай ее. Слышишь меня?

Ма затянула вокруг моей шеи темно-красный галстук в золотую полоску так сильно, что я поморщился.

– Если вернешься домой, вывозившись в грязи с головы до ног, я ничем не смогу тебе помочь. Хочешь выглядеть, как жалкий бедняк из южного района Бостона?

– Я и есть жалкий бедняк из южного района Бостона, – заметил я.

Ма опять сильно дернула меня за галстук, потом покачала у меня перед носом вытянутым пальцем. От нее до сих пор пахло выпитым вчера вечером пивом.

– Следи за языком, или тебя вышибут в первый же день.

«Какая горькая ирония, Бэтмен».

Именно мой язык обеспечил мне стипендию и позволил поступить в самую дорогую школу Бостона. Мое сочинение выбрали из трех тысяч других поданных на конкурс работ, и вот я уже учащийся начальной школы Синклера для мальчиков, а в будущем смогу учиться в старшей школе Синклера. К сожалению, стипендия не включала в себя оплату проезда, так что мне предстояло вставать в пять утра, чтобы успевать на автобус номер 38, идущий в центр города.

Я поглядел на свое отражение в зеркале на внутренней дверце шкафа и не узнал себя. В бесплатной общеобразовательной школе, куда я ходил до сих пор, я носил джинсы и футболки. Рубашку с длинным рукавом на меня надевали только по большим праздникам. Зимой я носил куртку. Теперь же я глядел на

темно-красный блейзер с золотой каймой по краю, черные брюки и белую рубашку с логотипом школы Синклера. Ну и кого этот парень в зеркале собирается обмануть?

– Перестать дергаться, – скомандовала Ма, колдуя над моими волосами.

Она подстригла их коротко, но надо лбом оставила несколько прядей подлиннее. Ма работала в парикмахерской «У Бетти», расположенной по соседству, и дело свое знала хорошо.

– Ну, разве ты не красавчик?

Я увернулся от ее руки и нахмурился.

– Выгляжу так, будто меня определили в Гриффиндор.

Ма фыркнула.

– Что за вздор! Ты выглядишь прекрасно, совсем как один из них.

«Один из них».

Я посмотрел на свои старые, поношенные кеды. Сейчас только они напоминали обо мне настоящем и прямо-таки кричали, что мне никогда не стать «одним из них». У других мальчишек будут классические ботинки, но обувь не входила в комплект школьной формы, а Ма не могла себе позволить купить мне новую пару в этом месяце. Возможно, в следующем, а может, никогда. Меня бы вполне устроило «никогда». В классических ботинках неудобно бегать.

Я много бегал. Если я злился, то бегал вокруг старого, врытого в землю грузовика, который стоял за заднем дворе моей прежней школы, так быстро, как только мог. Не знаю, почему я это делал. Мне до сих пор снилось, как я гонюсь за отцовской машиной, так что, возможно, причина крылась в этом. Может быть, я все еще пытался догнать отца. Глупо. Бегая вокруг грузовика, ты просто движешься по кругу, всегда возвращаешься туда, откуда начал.

– И никаких драк, Уэстон Джейкоб Тёрнер, – сказала Ма тем утром. Она ухватила меня за подбородок и заставила посмотреть ей в лицо. Длинным акриловым ногтем она погладила горбинку моего носа – я его недавно сломал, и нос еще не до конца зажил. – В этой модной школе нельзя вести себя так, как ты вел себя здесь. Одна драка – и тебя исключат.

Вот еще одно занятие, к которому я прибегал, разозлившись. Я дрался. Злился я очень часто.

Я дернул подбородком, высвобождаясь из хватки Ма.

– А если другие ребята полезут ко мне первыми?

– Ну и пусть их. Думаешь, администрация встанет на твою сторону и не заступится за одного из этих богатеньких сынков? Их родители вносят пожертвования.

Ма закурила, покачала головой, так что осветленные пряди ее волос качнулись, поморщилась от дыма и указала на меня сигаретой.

– Подерешься с кем-то из этих ребят – проиграешь, даже если победишь. Особенно если победишь.

Было еще темно, когда Ма смачно чмокнула меня в щеку, обдав запахом табака, и скомандовала: «Катись отсюда!», дабы она могла еще поспать. Обе мои сестры еще спали в соседней комнате. Они уже были достаточно взрослыми, чтобы съехать и устроиться на работу, но вместо этого занимали большую комнату. Я обитал в каморке рядом с кухней. Ма спала на диване. Каждый вечер она засыпала на нем в окружении пустых пивных банок, перед телевизором, а свои вещи хранила в кладовке.

Уже рассвело, когда 38 автобус добрался до делового центра; я сидел возле окна и смотрел на показавшуюся впереди начальную школу Синклера. Вокруг сплошной камень и статуи – это было одно из старинных исторических зданий времен Революции, недалеко от церкви Троицы. До первого звонка оставалось еще двенадцать минут, а я уже поднимался по каменным ступеням к тяжелой двери главного входа. Шагая по тихим коридорам, по которым уже шли на уроки учителя, я старался ступать осторожно, чтобы подошвы кед не скрипели по

полированному полу.

В библиотеке, расположенной в конце главного коридора, было тихо и прохладно. Повсюду поблескивающее коричневое дерево – столы, стулья, полы, книжные стеллажи. Не верилось, что это младшая школа.

Мне пришлось напомнить себе, что библиотека тоже является частью школы Синклера. И все же у меня в голове не укладывалось, что школьная библиотека может вмещать столько книг.

Я пробежал пальцами по книжным корешкам. Книги для взрослых. Мне приходилось упрашивать сестер, чтобы они приносили мне эти книги из публичной библиотеки.

Взрослые книги нравились мне гораздо больше, чем книжки для малышей, потому что мои проблемы казались мне непохожими на обычные детские горести. Когда твой папа бросает тебя, словно забытый носок, часть твоего детства сгнивает – та часть, в которой можно быть просто ребенком и ни о чем не тревожиться.

Я постоянно беспокоился. За Ма, потому что она много пила по ночам и постоянно вдалбливала моим сестрам, что все мужчины – это негодные отбросы и в конечном счете все они причиняют боль женщинам, которых должны любить. Она думала, я не слушаю, а я слушал.

Я волновался из-за вереницы подлых бойфрендов, проходивших через нашу квартиру на протяжении последних нескольких лет. Отбросы, как верно охарактеризовала их Ма. Возможно, она была права, и мужчины все такие. Я боялся, что вырасту, тоже превращусь в никуда не годного человека и причиню боль женщине, которую однажды полюблю, так что я поклялся никогда не влюбляться.

Я беспокоился из-за денег. Не для меня, сам я как-нибудь выкрутился бы. А вот Ма заработала язву, переживая из-за счетов, и пила примерно столько же желудочных микстур, сколько потребляла пива. В прошлом месяце нам отключили воду на три дня, пока дядя Фил не оплатил счет.

Полученная мной стипендия должна была помочь моей семье. Я смог бы поступить в хороший колледж, найти хорошую работу и тогда, возможно, на какое-то время перестал бы постоянно беспокоиться.

В библиотеке я поискал одну из своих любимых книг «Тропик Рака» Генри Миллера, но в библиотеке ее не было. Этот роман был для самых взрослых. Я читал его дважды, а некоторые отрывки перечитывал больше чем дважды, спрятавшись под одеялом либо с блокнотом, либо с пачкой бумажных салфеток наготове. Либо и с тем, и с другим.

Генри Миллер писал про застеленные шелковыми простынями кровати в парижских апартаментах (апартаменты – это квартира, я специально посмотрел в толковом словаре) и про голод.

Я постоянно испытывал чувство голода.

Еще Миллер писал про «вползающую» в постель женщину и использовал всякие нехорошие слова, говоря о разных частях ее тела.

Читая его роман, я хотел схватить блокнот и писать сам. Мне не следовало любить женщину, но я мог бы писать о сексе, который у меня будет рано или поздно, или восхищаться женской красотой на расстоянии. Я мог бы писать не прозу, а стихи, для которых выбирал бы только самые общие слова, так что не обязательно было бы знать, кому я посвятил эти строки. Это были бы просто стихи, а стихи могут быть как о ком-то, так и ни о ком.

В любом случае писательство мне помогало. Я переставал волноваться, когда писал и когда мастурбировал.

Ха! Надо было вставить это в сочинение.

* * *

Они нашли меня во время обеда, когда я читал «В дороге» Керуака и одновременно ел очень вкусные спагетти с зеленой фасолью из школьной столовой.

Одно горячее блюдо в день: сделано.

– Гляньте-ка, это же убогий, которого приняли из жалости.

Джейсон Кингсли. Я уже успел о нем наслушаться, а ведь был еще только полдень. Он опустился на скамью прямо напротив меня, а его богатенькие дружки оккупировали мой пустой стол, отрезав мне пути к бегству.

– Как ты меня назвал? – спросил я, чувствуя, как медленно, тяжело бьется сердце.

– Ты же победитель конкурса, да? – спросил Джейсон. – Тот, который настроил сочинение про то, как твой папочка бросил вашу семью?

Я медленно опустил книгу, удивившись, что руки не дрожат, хотя от унижения меня бросило в жар, и кровь закипала в жилах.

– Ага, – кивнул я. – Это я.

«Какого черта?..»

– Твое сочинение опубликовали на сайте Синклера, – сказал рыжий прыщавый парень, усевшийся рядом со мной. – Ты знал?

– Ни шиша он не знал, – протянул Джейсон, рассматривая мою физиономию.

Пара его дружков разом фыркнули.

«Катитесь вы все куда подальше».

Я напрочь забыл об одном из условий конкурса: школа Синклера оставляла за собой право опубликовать работу победителя где угодно. Когда я подавал проклятое сочинение на конкурс, у меня и мысли не возникало, что я могу победить. Тогда условия конкурса меня совершенно не волновали.

А вот сейчас волновали.

– Значит, твой папаша свалил, оставив тебе на память носок? – спросил рыжий. – Твоя жизнь – полный отстой.

– И правда отстой, Носочный Мальчик, – протянул Джейсон. Он вытащил у меня из тарелки стручок фасоли, отправил в рот и принялся жевать. – Ты, наверное, чувствуешь себя полным дерьмом.

– Носочный Мальчик, – фыркнул рыжий. – Отлично придумал, Джейсон.

– Серьезно? «Носочный Мальчик»? – переспросил я. – И это все, что ты смог придумать?

– Не знаю, – натянуто проговорил Джейсон. – Может, ничего большего ты и не заслуживаешь, Носочный Мальчик.

Рыжий поковырял прыщ на подбородке.

– Думаешь, ты смог бы придумать что-то получше?

– Да я с ходу могу придумать чертову тучу куда более обидных оскорблений.

– Докажи.

– Да не вопрос.

Я хрустнул костяшками пальцев, быстро поразмыслил. Впрочем, оскорбления возникли у меня в голове сами собой: этот нож я проворачивал у себя в животе уже тысячу раз, после того как папа ушел.

– Как насчет... Твой папа бросил вашу семью, а ты получил только вшивый носок?

Несколько мальчишек зафыркали.

Джейсон скрестил руки на груди

– Неубедительно.

Я небрежно пожал плечами, мой разум заработал на повышенных оборотах, как гоночный автомобиль на старте.

– М-м-м, ладно. Тебе повезло: в день акции «Возьмите сына с собой на работу» тебе придется остаться дома.

Рыжий хохотнул и тут же заработал возмущенный взгляд Джейсона. Я продолжал, и мои слушатели быстро разогрелись. С каждым оскорблением, которое я обрушивал сам на себя, другие мальчишки все больше и больше воодушевлялись, закрывали рты руками, смеялись и охали, как будто наблюдали за битвой рэпперов, в которой я выступал одновременно атакующим и жертвой.

– Жаль, что твой отец сбежал и не платит алименты, но, может, мы найдем его по запаху носка?

– Если тебе нужно с кем-то поговорить как мужчина с женщиной, твоя мама дает объявление в Интернете?

– Ты теперь в секте Свидетелей Иеговы? Они тоже не празднуют День отца.

Ребята уже хохотали во все горло, но Джейсон только стискивал зубы. Я наклонился к нему над столом и сказал, прожигая его взглядом:

– Тук-тук.

– Отвали.

– Тук-тук.

Он засопел, не встречаясь со мной взглядом.

– Это глупо.

Я наклонил голову набок и посмотрел на его дружков.

– Тук-тук.

– Кто там? – ответили они хором.

– Не знаю, – сказал я, – но точно не твой папочка.

Звонкий смех явно был для Джейсона, как нож в спину: он сгорбился и вздрагивал, словно каждое оскорбление адресовалось ему, а не мне.

– У тебя смущенный вид, приятель, сказал я. – Объяснить тебе соль этой шутки?

– Думаешь, ты тут самый умный? – процедил Джейсон. – Ты просто обложил себя дерьмом десять раз подряд. Только знаешь что? – Он гаденько улыбнулся. Незатейливая правда была на его стороне, и он это знал. – Не важно, насколько умным ты себя считаешь. Ты просто Носочный Мальчик и навсегда им останешься.

Он взмахнул рукой и опрокинул мне на колени поднос с недоеденным обедом, так что мои брюки и белую рубашку залило соусом от спагетти и мо- локом.

– Ой! – воскликнул Джейсон, подскакивая с места. – Я нечаянно.

Я вскочил, не обращая внимания на холодное молоко, залившее брюки, и горячий соус, обжегший мне живот, и уставился на своего обидчика – мы стояли почти нос к носу.

Руки сами собой сжались в кулаки, так сильно, что заныли костяшки пальцев. Джейсон не дрогнул, а все собравшиеся в столовой ученики притихли и наблюдали за нами.

– Ну давай, – злобно прошептал Джейсон. – Ударь меня. У меня шесть свидетелей, они подтвердят, что я уронил поднос случайно. Ты потеряешь свою драгоценную стипендию. Хочешь рискнуть, Носочный Мальчик?

Я определенно хотел рискнуть, но если бы я ему сейчас врезал, меня бы наверняка исключили. О том, чтобы отметить этого урода, и речи быть не могло, а значит, придется ему все спустить с рук.

– Что происходит, ребята? – прозвучал рядом чей-то дружелюбный голос.

Боковым зрением я заметил высокого темноволосого мальчишку. Он выглядел старше, чем я и мои обидчики.

Многие дети в первый день учебы поспешили проинформировать новеньких семиклассников о том, кто есть кто в кастовой системе школы Синклера. Джефферсон Дрейк, старшеклассник, член футбольного клуба старшей школы Синклера, был самым популярным парнем в школе. Король школы. Его младший брат, Коннор, был принцем.

Я предположил, что это он и есть.

Коннор стоял, сунув руки в карманы, спокойно и уверенно, так, словно он не обычный двенадцатилетний подросток, а владелец этой школы.

Джейсон усмехнулся и отодвинулся от меня.

– Ничего, – сказал он. – Просто Носочный Мальчик слегка испачкался.

– Ага, уверен, все так и было, – проговорил Коннор и нахмурился, поглядев на мою испорченную форму. – Почему ты всегда такой засранец, Кингсли?

– Я не засранец, просто немного неуклюжий, – беспечно отмахнулся Джейсон и попятился. – Увидимся, Носочный Мальчик. Жаль, что так вышло с твоей рубашкой. – Он аж причмокнул от удовольствия. – Можешь написать еще одно сочинение: назови его «День большой стирки», и тогда, возможно, школа оплатит твою новую форму.

– А может, это сделает твоя мама, – сказал Коннор и улыбнулся от уха до уха.

Джейсон хохотнул, и они с Коннором стукнулись кулаками.

– Увидимся на тренировке, Дрейк.

– Надеюсь. Тебе явно не хватает практики.

Джейсон показал Коннору два средних пальца и удалился, уведя компанию своих прихлебателей.

«Да пошли вы все», – подумал я и сердито отряхнул брюки от прилипших кусочков холодных спагетти. Штаны черные, и пятен на них было не видно, а вот рубашка выглядела так, будто меня пристрелили из ружья.

– Черт.

– У тебя есть во что переодеться? – спросил Коннор.

– Отвали.

Он выставил перед собой открытые ладони.

– Эй, я просто пытаюсь помочь. У меня есть лишний комплект формы, и мой дом недалеко отсюда. Если уйдем сейчас, успеем вернуться до звонка.

Я посмотрел на него с недоверчивым прищуром.

– Выбирай: идем ко мне домой, или будешь остаток дня выглядеть как статист из дурного фильма ужасов.

Похоже, дружелюбная улыбка пребывала на лице Коннора постоянно.

– С чего бы тебе помогать мне?

Он нахмурился.

– А почему бы и нет? – Он протянул мне руку. – Кстати, я – Коннор Дрейк.

– Поздравляю.

Коннор рассмеялся и опустил руку.

– Идем. Тебе же нужно переодеться, правда?

Я стиснул зубы.

– Наверное.

– Тогда идем.

Он пошел к выходу, и я зашагал следом.

– Ты новенький, да? В прошлом году тебя здесь не было.

– Ясен перец. Я Уэс Тёрнер, тот убогий, которого приняли из жалости.

Темные брови Коннора почти сошлись на переносице.

– Из жалости... О, так это был ты? Ты выиграл конкурс сочинений? Тогда понятно, почему Кингсли так тебя обозвал. Слушай, не позволяй ему тебя доставать. Вообще-то, он парень неплохой. Мы с ним с детского сада друг друга знаем.

– И он всегда был таким придурком?

Коннор рассмеялся.

– Почти всегда. – Он кивнул охраннику, стоящему возле двери: – Привет, Норм. Я сбегая ненадолго домой, возьму кое-что для моего друга.

Охранник Норм открыл Коннору дверь, точно дворецкий в дорогушем отеле.

– Возвращайтесь до звонка.

– Обязательно.

– Как ты это сделал? – спросил я, когда мы вышли из здания школы в объятия солнечного сентябрьского дня. – С обеда же не выпускают.

– Мои родители жертвуют много денег, – ответил Коннор и ослепительно улыбнулся. – Очень много денег.

Мы свернули за угол, прошли по Дартмут-стрит и попали в район старинных, элегантных домов, сложенных из темно-желтого песчаника, с черными коваными решетками. Я вслед за Коннором прошел по дорожке из красного кирпича, мимо старомодных уличных фонарей.

Весь этот район походил на один огромный замок.

– Кстати, поздравляю с получением стипендии, – сказал Коннор. – Я слышал, конкурс был огромный. Сочинение у тебя вышло просто отличное.

Я ссутулился.

– Ты тоже его читал?

– Мои родители только о нем и говорят, заставили меня прочесть его дважды.

«Твою ж мать».

– Ничего так получилось, – пробормотал я, ожидая, что Коннор примется потешаться надо мной из-за проклятого носка.

Он не стал этого делать, зато сказал:

– Оно просто великолепно. Тебе повезло; я вот вообще не умею сочинять, хоть ты меня режь. И, к твоему сведению, английский у меня ведет мистер Райтман.

– У меня тоже, – осторожно заметил я. – Он строгий?

– Строже не бывает, – заверил меня Коннор. – Задает кучу домашки, требует написать то длинные рассказы, то короткие... Черт, я слышал, он даже заставляет писать стихи. Дерьмовые стихи.

Я слегка расслабился.

– Ага, это отстой.

– И не говори. – Коннор покосился на меня. – Но у тебя-то с этим проблем не будет. Кем ты хочешь стать, когда вырастешь? Писателем, да?

Еще вчера я, наверное, ответил бы на этот вопрос утвердительно, но «Носочный Мальчик» показал мне, что я не готов столкнуться с последствиями.

Писательство я хотел сделать своей отдушиной, а не источником страданий.

Я страшно устал от страданий. Уход папы с мучительной ясностью продемонстрировал мне, как больно испытывать чувства, любить кого-то слишком сильно.

Мне по-прежнему хотелось сочинять, но больше я не собирался выставлять свое кровоточащее сердце напоказ, чтобы мне не швырнули его в лицо. С меня хватит.

– Пока не знаю. – Я посмотрел на Коннора. – А ты?

Его улыбка стала еще шире.

– Я хочу открыть спортбар в деловом районе Бостона. Назову его «Будем здоровы», представляешь? Хочу стоять в центре этого клуба, а по всем телевизорам будут транслировать спортивные передачи. Обожаю бейсбол. Тебе нравится бейсбол?

Он зашагал дальше, не дожидаясь ответа.

– Я мог бы говорить о бейсболе весь день напролет. Хочу создать такое место, где люди смогут проводить время, болтать о спорте или смотреть какую-нибудь игру и просто веселиться.

Я кивнул.

– Думаю, у тебя бы отлично получилось.

Будь я проклят, но даже в двенадцать лет Коннор Дрейк выглядел в точности как человек, пришедший на эту землю, чтобы открыть спортбар. Однако его улыбка померкла.

– Скажи это моим родителям. Они думают, что я должен поступить в один из университетов Лиги Плюща и заниматься чем-то большим и важным. Им мало того, что мой брат Джефферсон – идеальная иллюстрация к словам «большой» и «важный».

Я не знал, что сказать. Мысль о том, чтобы заниматься чем-то «большим и важным» казалась невозможной для бедного паренька вроде меня. Если мне удастся поступить в хороший колледж, найти приличную работу и немного помочь Ма, я уже посчитал бы это чудом.

– Ты же из южного района, да?

– Точно, – ответил я.

– И как там?

Я ощетинился.

– Что «как»? Каково жить в дерьмовой квартирке и не иметь возможности поступить в приличную школу, если только не выиграешь стипендию?

Коннор не стушевался из-за моего резкого тона; за годы нашей дружбы эта черта в нем останется неизменной. Она будет скреплять нашу дружбу, как клей.

Он пожал плечами.

– Не знаю, может быть. Иногда все здесь кажется таким сложным... хотя нет необходимости все усложнять. Знаешь, я люблю простоту.

Я нахмурился.

– Быть бедным чертовски просто. Тебе позарез нужны деньги, а у тебя их нет. Конец.

– Ага, наверное, это отстой, – сказал он.

Почему-то у меня не возникло желания засветить ему в глаз за то, что он с видом знатока рассуждал о вечной борьбе, из которой состояла моя жизнь.

Коннор обладал необычной харизмой: он у всех вызывал симпатию. Этакая сверхспособность. Я был его полной противоположностью: я делал все для того, чтобы вызывать у людей отторжение – мне так было спокойнее. И все же вот он я, непринужденно болтаю с самым популярным парнем из своего класса, который сказал охраннику Норму, что я его друг. Чувство нереальности происходящего лишь усилилось, когда Коннор дернул подбородком, указывая вперед, и объявил:

– Пришли.

Я вытаращил глаза и, кажется, даже слегка приоткрыл рот. Четырехэтажный дом в викторианском стиле, с черными оконными рамами, сложенный из грубо отесанного бежевого камня. Изображения таких домов можно увидеть в буклетах, посвященных исторической части Бостона. Величественная каменная лестница вела от вымощенной кирпичом дорожки к двойным дверям; верхние половинки створок были украшены цветными витражами.

– Это твой дом? – спросил я.

– Один из них, – ответил Коннор с хитрой улыбкой.

И снова он каким-то непостижимым образом говорил как нормальный человек, а не как заносчивый мажор.

Я во все глаза смотрел на его дом, упивался величественным зрелищем, потому что мой мозг не мог осознать, как это люди могут жить в доме с картинки из путеводителя. Коннор был не просто богат, он был из семьи миллиардеров. Я мельком подумал, что его родители, наверное, знамениты. Он и сам выглядел как звезда: его смело можно было брать на главную роль в фильме про какого-нибудь популярного бейсболиста, который берет под крыло бедного паренька. Герой этого фильма слишком счастлив, чтобы опускаться до роли задиры или задаваки, он плывет по жизни на неиссякаемой волне родительских денег.

В итоге оказалось, что я во всем прав, а бедным пареньком, которого Коннор Дрейк взял под крыло, стал я сам.

* * *

Горничная Дрейков постирала мою форму и выдала мне одну из старых рубашек Коннора. После уроков мы вернулись к нему домой, уселись в мягкие кресла, обтянутые черной кожей, и поиграли в игровую приставку, подключенную к музыкальным колонкам размером со шкаф.

Коннор попросил меня остаться на ужин, и я познакомился с его родителями, Викторией и Алленом Дрейк.

Мистер Дрейк владел сотней разных компаний, носивших его имя, а миссис Дрейк была сенатором штата. Бостонская элита, выше некуда.

Дрейки угостили меня изысканным ужином – раньше я видел такую сервировку стола только в фильмах про богатых людей.

В их огромной столовой, под тяжелой хрустальной люстрой я отчасти испытал то давление, под которым постоянно находился Коннор: ему полагалось усердно работать и получать отличные оценки, поступить в университет – о том, чтобы открыть спортбар, даже речи быть не могло. Родители захотели, чтобы их сын подружился со мной, уличным босяком, дабы я научил Коннора, чего может добиться человек тяжелым трудом и умом.

Я думал, что Коннор возненавидит меня, после того как его родители так меня превозносили, но по какой-то безумной причине я ему понравился. Наша дружба возникла внезапно, словно мы с ним знали друг друга в прошлой жизни, а теперь просто продолжили с того момента, когда расстались. И, несмотря на давление родителей, Коннор был счастлив. Я еще никогда не встречал такого счастливого человека. Тугой узел, сжимавший мой живот после ухода отца, немного ослабевал, когда я находился рядом с Коннором. Я не подпрыгивал от радости каждую минуту, но время от времени переставал волноваться, а это уже немало.

Коннор спас меня от незавидной участи объекта всеобщих насмешек, и больше никто в школе не звал меня «Носочным Мальчиком». Его приятели оставили меня в покое, и к тому времени, как мы поступили в старшую школу Синклера, они стали и моими друзьями, и все это благодаря силе обаяния Коннора, которое он расточал без всяких усилий.

Дрейки относились ко мне как к сыну, их щедрость распространилась даже на моих мать и сестер. Никогда еще громкие голоса моих родных и ярко выраженный говорок жителей южного района Бостона так не резал слух, как в столовой дома Дрейков, однако Дрейки обращались с нами по-доброму и с уважением. К моему огромному ужасу и унижению, они оплатили счета Ма, когда она бесстыдно заявила, что у нее нет денег. Они дарили нам щедрые подарки на дни рождения и праздники и никогда не просили ничего взамен.

И все же я чувствовал себя обязанным присматривать за Коннором, удостовериться, что он «совершит что-то» в своей жизни помимо открытия спортбара. Я никогда не пытался уговорить его отказаться от этой мечты, но помогал ему оставаться отличником: помогал ему с сочинениями и прочими заданиями, которыми нагружал нас мистер Райтман.

К концу первого года обучения я уже писал сочинения вместо Коннора. Он был неглуп, но не любил слишком задумываться и выкладываться. Чувство глубокого удовлетворения жизнью было его естественным состоянием. Он жил, чтобы смеяться и веселиться, и когда я писал рассказы вместо него, то старался передать его счастье, подавлял собственные горечь, злость и боль.

Я никогда не забывал сделать одну-две грамматические ошибки.

Перейдя в старшую школу, я побил все прежние рекорды учеников Синклера по легкой атлетике. Бег принес мне двухгодичную стипендию, предоставленную Национальной студенческой спортивной ассоциацией, и позволил поступить в Амхерстский университет в Западном Массачусетсе.

Дрейки планировали для сына нечто большее, чем гуманитарный университет, но Коннор не проявлял интереса ни к чему, пока я не поступил в Амхерст. Коннор – человек, которого приняли бы в любое высшее учебное заведение страны благодаря чековой книжке его родителей, – пожелал остаться рядом со мной, и это тронуло меня сильнее, чем я мог выразить словами.

Я пообещал его родителям, что буду ему помогать и прослежу, чтобы он работал как следует, а сам прекрасно знал, что и в университет буду писать за него сочинения.

Дрейки оплатили для нас аренду симпатичной квартирki, расположенной рядом с территорией университета, что позволяло мне растянуть свою стипендию не на два года, а на три. Они бы оплатили все мое обучение, если бы я согласился, но бесплатное жилье и так уязвляло мою гордость. Я твердо решил, что справлюсь собственными силами, показав таким образом своему никчемному папаше, что не нуждаюсь в его помощи. И все же каждое благодеяние Дрейков ложилось мне на плечи тяжким грузом. Мой долг все возрастал.

А там, где я вырос, долги принято отдавать.

Часть II

Амхерст

Глава первая

Отем

«Он тебя обманул».

Эта мысль грызла меня по утрам, стоило мне лишь открыть глаза, возникала в мозгу с первым звонком будильника, ранила меня в самое сердце. Я быстро протянула руку и выключила будильник. Заглушить противный шепоток в голове не удалось.

«Ты вручила ему свое сердце, а он выбросил его в помойку».

– Прекрати, – прошептала я в темноту комнаты.

Часы показывали четыре утра. Я привыкла к ранним подъемам. Если растешь на ферме Колдуэллов, «поспать подольше» – это значит проваляться в кровати до восьми утра, да и то такая возможность предоставлялась лишь в день рождения. Три месяца назад в четыре утра я бы уже вскочила с кровати и принялась напевать, готовясь встретить новый день. Но это было до того, как я вошла в спальню своего парня Марка и застала его голого в объятиях другой девушки.

Марк украл мою способность засыпать мгновенно, едва коснувшись головой подушки, и легко вскакивать с кровати на рассвете. С недавних пор при звуках будильника мне хотелось только одного: упасть обратно в постель и спать следующие сто лет или свернуться в комочек под одеялом с потрепанным сборником стихов Эмили Дикинсон и плакать. Плакать до тех пор, пока образ Марка и той девицы не вымоется из памяти со слезами навсегда.

– Сегодня первый день занятий, – пробормотала я, глядя в потолок. – И я не позволю Марку испортить мне этот день.

Я крепко зажмурилась, чтобы прогнать сон, потом села и потянулась, стряхивая усталость. Боль в раненом сердце стала еще сильнее и никак не желала проходить.

Я приняла душ, надела миленький сарафан кремового цвета в цветочек и подходящий по цвету кардиган. Платье было дизайнерское, я урвала его в интернет-магазине Marshall's всего за пятнадцать долларов. Названия известных марок одежды не имели для меня никакого значения, главное – хорошо выглядеть в любой ситуации.

«Если хотите быть успешной, одевайтесь так, будто вы уже успешны».

Я вычитала это в каком-то журнале. Этот совет шел рука об руку с прочитанным мною недавно исследованием Йельского университета, в котором говорилось, что красиво и со вкусом одетых людей принимают всерьез. У меня были серьезные цели, и любые предубеждения, которые могли бы возникнуть на мой счет у окружающих, – бедная девчонка с фермы откуда-то из Небраски – встали бы у меня на пути.

Я собрала свои длинные темно-рыжие волосы в пучок, как делала всегда, отправляясь на работу. Немного туши и блеска для губ – вот и весь макияж. Когда я похлопывающими движениями наносила солнцезащитный крем на свой усыпанный веснушками нос, мой мобильный загудел: пришла эсэмэска.

Вот и наступил этот чудесный день: ты идешь на третий курс университета! Мы все так гордимся тобой. С любовью, мама, папа и Трэвис.

Я напечатала в ответ Спасибо. Я всех вас люблю и уже скучаю.

И тут же сморгнула неожиданные слезы. Летние каникулы я провела дома, в Небраске, и приехала в Амхерст всего неделю назад, но эмоциональный голод требовал, чтобы я вернулась обратно, он был гораздо сильнее настоящего голода, из-за которого у меня урчало в животе. Мне хотелось домой, чтобы там, в окружении близких, залечить свое разбитое сердце.

Я спустилась вниз и заварила кофе; в комнате было темно и тихо. Моя соседка Руби вставала поздно, она всегда появлялась на занятиях не раньше одиннадцати часов дня, но, в отличие от меня, ей не нужно было работать.

Я села за стол, поставила рядом чашку кофе и положила перед собой список вещей, которые нужно сделать в первый день учебы. По части составления планов мне не было равных. Я читала, что, записывая предстоящие дела, человек может лучше справиться с тревожностью. В другой статье говорилось, что если записывать цели, проще будет их достигнуть. У меня было множество дневников, полных списков дел и перечней целей. Первой целью в моем сегодняшнем списке было «забыть о Марке».

– Все люди страдают из-за ужасных расставаний, – пробормотала я в полумрак пустой кухни. – В этом году у тебя слишком много работы, и нельзя позволить Марку Уоттсу сбить тебя с курса.

Не стоило произносить его имя вслух. Я с трудом проглотила остатки кофе и взяла рюкзак.

В последний раз поглядела на себя в зеркало. Синяки под покрасневшими глазами присутствуют, но в целом неплохо. Возможно, совет про красивую, со вкусом подобранную одежду применим и к моей ситуации.

«Не ведите себя так, будто у вас разбито сердце, и оно не будет разбито».

Солнце только-только показалось над горизонтом, когда я вышла из студенческого общежития и отстегнула свой велосипед от стойки. В небе над Амхерстом загоралась пылающая заря, оранжевая и пурпурная, напомнившая мне о восходах, которыми я любовалась на нашей ферме. Когда я была маленькой, то часто сидела у папы на плече и смотрела, как свет поднимающегося солнца золотит пшеничные поля или разливается над морем зеленой кукурузы весной.

«Знаешь, почему рассвет так прекрасен, Отем? – спросил папа как-то раз. – Потому что каждый день – это новая возможность встретить что-то удивительное. Тебе просто нужно быть к этому готовой».

Возможно, именно поэтому я одевалась настолько красиво, насколько позволял мой скромный бюджет, очень рано вставала даже по воскресеньям, составляла списки целей и работала до седьмого пота: надеялась, что сделаю что-то хорошее для этого мира. Когда что-то удивительное встретится мне на пути, я не только буду готова, но и помогу этому чуду случиться.

И я не позволю предательству Марка – или чему бы то ни было еще – встать у меня на пути.

Я нацепила на лицо улыбку и вошла в пекарню без пяти минут пять. Внутри уже витал аромат теплого хлеба и кофе, а низкий баритон пел оперную арию.

– Доброе утро, Эдмон, – позвала я, ставя рюкзак за прилавок. Потом сняла с крючка на стене свой фартук и повязала на талии.

Пение стало громче, и из двери за прилавком появилась высокая фигура – Эдмон де Гиш собственной персоной. Он прижимал ручки к сердцу (ария подошла к драматическому моменту).

Пение было единственной любовью Эдмона, любовью отчаянной, настоящей, безответной. Великан-француз сам выглядел как герой оперы; отпуская посетителям выпечку, то и дело разражался стихами и куплетами, ибо свято верил, что любовь и еда идут рука об руку.

– Ma chère! [1 - Моя дорогая (фр.).] – воскликнул Эдмон, когда отзвучала последняя нота.

Он обнял меня мясистыми ручищами, и в его объятиях я немедленно ощутила бодрость, как после полноценного ночного сна.

– Так приятно снова тебя видеть. – Он выпустил меня, отодвинулся на расстояние вытянутой руки и всмотрелся в мое лицо.

– Ну, как провела лето? Как поживает твоя семья?

– У них все хорошо, – заверила я его, а сама скрестила за спиной два пальца, чтобы скрыть эту маленькую ложь. В последнее время на ферме дела шли не блестяще. Папа говорил, что сейчас у всех фермеров в стране трудности, но нам не стоит беспокоиться. Пока. Разумеется, я все лето наблюдала, как мать с отцом только и делают, что тревожатся, пока сама я обслуживала столики в закусочной «Уютный уголок».

– Я скучала, – сказала я Эдмону.

По крайней мере, это была истинная правда.

– И я скучал по тебе, ma petite chère [2 - Моя дорогая малышка (фр.).]. Эта забегаловка стала мрачной и темной без твоего чарующего света.

У меня опять защипало глаза от навернувшихся слез. Не могло быть и речи о том, чтобы расплакаться дважды за утро. Я поскорее отвернулась и начала заправлять кофемашины.

– Вы все такой же романтик, Эдмон.

– Как всегда, – фыркнул он. – Ты готова к новому году в университете?

– Думаю, да. Этот год будет трудным, потому что...

Эдмон не дал мне договорить: проворно подцепил мой подбородок толстым пальцем. Его большие карие глаза потемнели от беспокойства.

– Я вижу тут новую печаль.

– Это ерунда.

Эдмон нахмурился.

Я вздохнула. Скрывать бесполезно. Мы с Марком были неразлучны два года. Очень часто по утрам он вскакивал с постели ни свет ни заря, чтобы купить кофе в «Белом султane», когда я работала, – просто чтобы иметь возможность побыть со мной рядом. Эдмон его прекрасно знал.

«Нет, не знал. Оказывается, мы все ошибались в Марке, и я больше всех».

– Я порвала с Марком.

– Quel bordel! [3 - Какое безобразие! (фр.)] – взревел Эдмон.

– Со мной все хорошо. Я предпочла бы не говорить об этом...

– Но почему? Что случилось? – Эдмон замахал испачканными в муке руками. – Знаю, тебе не хочется муссировать эту тему, но он просто дурак, это точно. П-ф-ф-ф.

«Это он выставил меня дурой».

Я разгладила невидимые складки на юбке.

– Что сделано, то сделано. Теперь я собираюсь жить дальше.

Эдмон наморщил нос.

– Да ты просто камень, как говорите вы, американцы. Bon[4 - Хорошо (фр.)]. Печенья у меня нет, но...

Он взял с только что вынутого из духовки подноса клюквенную лепешку, положил на тарелку и протянул мне.

– О, нет мне не нужно...

– Еще как нужно. Я настаиваю. – Эдмон обернулся и воззвал: – Эй! Филипп!

Из двери, ведущей в кухню, выглянул Фил Глассман, гибкий восемнадцатилетний парень, посмотрел на меня и что-то нечленораздельно проворчал. Глаза у него были полузакрыты – бедняга Фил работал в пекарне уже полтора года, но никак не мог привыкнуть к ранним подъемам по утрам.

– Филипп, ты приготовишь кофе, – распорядился Эдмон. – Отем приступит к работе после того как поест.

– Со мной все хорошо, – повторила я, зная, что спорить с Эдмоном бесполезно, особенно когда дело касается дел сердечных. Еду, вино и песни он искренне считал лекарством от всех болезней, и приходилось признать, что лепешка благоухала очень соблазнительно. Ну, что же, попробую утешиться вкусненьким.

Эдмон сопровождал меня в соседнюю комнату и усадил на стул.

– Ешь, ma chère. Ешь и почувствуй сладость жизни, забудь о ее горечи, oui [5 - Да (фр.).]? Ты слишком хороша для смертных мужчин, но истинная любовь найдет тебя, это я точно знаю.

Он потрепал меня по щеке, снова рявкнул на Фила, и они вдвоем принялись споро готовиться к открытию. Я ела лепешку и пыталась поверить в слова Эдмона. На сердце стало капельку легче – не столько от еды, сколько от вложенной в нее доброты.

Возможно, в Амхерсте и найдется работа, где мне будут платить больше, чем здесь, но там не будет Эдмона.

* * *

Закончив хлопотную утреннюю смену, я сняла фартук, помахала Эдмону и вернулась обратно на территорию университета. Сегодня первым занятием было введение в экономику и влияние на окружающую среду – курс, который соответствовал моим карьерным целям гуманитария и удовлетворял требованиям общего образования. Двойная польза.

На занятиях я всегда сидела в первом ряду и конспектировала, пока пальцы не начинало сводить. Я завидовала студентам, которые записывали лекции на мобильные телефоны. Мой телефон был ужасно древним, и я не хотела лишний раз им пользоваться, чтобы ненароком не сломать.

В конце лекции пришло сообщение от Руби.

Пообедаем во дворе?

На нашем обычном месте, напечатала я в ответ.

Ты меня легко узнаешь, я там буду самой сексуальной в своих штанах для йоги.

Я усмехнулась. Сама я не могла выйти из дома, как следует не приодевшись и не причесавшись, а Руби Хаммонд даже не следила за тем, подходит ли ее левая туфля правой, или они от разных пар.

Сентябрьское утро выдалось на удивление солнечным. Мне нравился Университет Амхерста с его бесконечными зелеными лужайками, протянувшимися вдоль зданий из красного кирпича, построенных в стиле федеральной архитектуры. Тут и там студенты сидели на траве под деревьями, грелись в лучах позднего летнего солнца, болтали и обсуждали появившиеся за лето новости.

Вне зависимости от того, ходите ли вы в детский сад или в университет, первый день учебного года всегда несет с собой ощущение открывающихся возможностей. Прямо как то утро, когда мы с папой рассуждали о чудесах, которые может подарить нам наступающий день.

Мы с Руби объявили кованый уличный фонарь, стоящий напротив здания администрации, «нашим местом». Руби ждала меня, растянувшись на траве, и на

ней действительно были обещанные штаны для йоги, а также мягкая спортивная футболка. Темные волосы подруга собрала в неаккуратный пучок и лениво щурилась от солнечного света, заслоняя глаза дочерна загорелой рукой.

На первом курсе нас поселили в одну комнату, и, несмотря на то, что мы были полной противоположностью друг друга, мы мгновенно сдружились. Я поддерживала чистоту в нашем жилище, а взамен Руби смешила меня, когда видела, что из-за учебы я вот-вот выгорю дотла.

– Вот и новый учебный год начался! – воскликнула Руби и улыбнулась мне. – На том же месте, в тот же час. Все то же самое. Жизнь вошла в привычную колею?

Я села рядом с Руби и расправила платье на коленях.

– Сегодня первый день занятий, так что рано говорить о привычной колее. – Улыбка сбежала с моих губ. – К тому же не все осталось по-старому.

Руби нахмурилась и открыла сумку, чтобы достать свой обед.

– Ты права. Лживый ублюдок свалил с горизонта. Не могу сказать, что мне жаль.

– А я могу, – заметила я и снова разгладила юбку.

– Слушай, – проговорила Руби, касаясь моей руки. – У меня плохо получается говорить правильные вещи, которые могут тебя утешить. Это мы знаем. Но через месяц ты полностью согласишься с моими бестолковыми комментариями.

– Знаю. Хорошо бы время прошло быстрее.

– Вот отморозок, – пробормотала Руби, откинувшись назад, оперлась на локти и оглядела внутренний двор. – Давай во всем видеть хорошее: Амхерст не испытывает нехватки в красавчиках, которые могли бы отвлечь тебя от печалей. – Она дернула подбородком, указывая на группу молодых людей, которые гоняли по лужайке футбольный мяч. – М-м-м-м, никакой нехватки.

Я возвела глаза к небу и достала собственный обед – салат с сушеной клюквой и фетой и бутылку чая со льдом.

– Забудь.

– Подруга...

– Руби, пожалуйста, – вздохнула я. – Прошло всего три месяца.

– Я же не предлагаю ничего серьезного.

– Я говорю об отношениях для секса без далеко идущих намерений. – Она по-доброму улыбнулась. – Знаю, знаю. Это не для тебя. Просто мне больно видеть, как ты страдаешь. Марк просто тупой идиот, можешь записать это утверждение и цитировать при случае.

Я принялась за салат и, проследив за взглядом Руби, посмотрела на ребят, играющих в футбол. Мое внимание привлек высокий, широкоплечий парень с широкой, очаровательной улыбкой. Даже на расстоянии его улыбка подействовала на меня успокаивающе, прямо как лепешка Эдмона. Глядя на такую улыбку, понимаешь, что в этом мире все хорошо.

Моя хитроумная подруга мгновенно заметила, куда именно я смотрю.

– Тебе, конечно, неинтересно, но на всякий случай уточню: это Коннор Дрейк. Красавчик-третьекурсник. Бейсболист, игрок и чемпион по пиво-понгу.

– Вроде бы я его раньше не видела.

– О, конечно, не видела, – фыркнула Руби, округляя глаза. – Я упоминала его имя всего-то раз десять, с тех пор как мы начали тут учиться. С другой стороны, трудно замечать других парней, когда лижешься с Марком.

– И когда занимаешься и учишься в поте лица, – уязвленно добавила я.

– Верно. – Подруга перевела взгляд с Коннора на меня. – Тебе он нравится?

Я пожала плечами:

– Мне нравится его улыбка. И глаза. Он выглядит... дружелюбным. Общительным. Счастливым.

– Другими словами, он просто красавчик.

Я игриво ткнула подругу локтем в бок.

– Что? Мне уже и посмотреть нельзя?

Тут Коннор громко рассмеялся над словами одного из своих приятелей, ловко поймал брошенный мяч, и это вышло у него на удивление непринужденно. В его смехе звучала та же чистая радость, которая светилась в его улыбке.

– Я бы на твоём месте одними взглядами не ограничивалась, – промурлыкала Руби. – По-моему, он со всех сторон хорош.

Я покачала головой:

– Если он игрок, то мне неинтересен. Хватит с меня отношений.

– Ну ты и врушка, дорогая моя, – заговорщическим тоном протянула Руби. – Ты просто неисправимый романтик, у тебя это в крови.

– Знаю. Но Марк сделал из меня дуру, Руби. Он заставил меня поверить в то, чего не было. Как будто все, что между нами было, оказалось ложью или шуткой. Или что я была шуткой. То, что он называл словом «мы», оказалось одним большим враньем. Из-за этого я чувствую себя жалкой и больше не хочу так подставляться.

Тут как по заказу чувство горечи сдавило мне горло. Марк Уоттс не был первым бойфрендом, с которым у меня были серьезные отношения, но его я любила намного сильнее остальных. Спустя два года отношений я уже начала планировать наше совместное будущее.

Мы были молоды, но нам обоим хотелось от жизни одного и того же: путешествовать, выбрать хорошую профессию и выучиться, прожить активную жизнь, помогая людям.

Или мне так казалось.

– Мне никогда не понять, почему он не был честен со мной, – сказала я и снова посмотрела на Коннора Дрейка. – Не хочешь на мне жениться? Хорошо. Нам обоим всего по двадцать одному году. Но не нужно плести всю эту романтическую чушь, слушая которую я начинаю думать, что у нас будет общее будущее, а потом изменять мне.

– Можно встречаться с парнем и не прикипать к нему всей душой, – заметила Руби, откусывая кусок бутерброда с арахисовым маслом и джемом. – Можно развлекаться, не привязываясь к партнеру на всю жизнь.

Теперь Коннор стоял в окружении приятелей, болтал с ними и смеялся. Смех у него был громкий и заразительный. Остальные ребята смотрели на него с восторгом, он занимал все их внимание, находился в центре их вселенной.

– Я всегда привязываюсь к человеку, – сказала я. – Ничего не могу с собой поделать. Мне не нужна мимолетная связь, мне нужно, чтобы между нами пробежало электричество. Хочется встретить такого парня, с которым можно говорить обо всем, такого, чтобы у меня кровь закипала. Понимаешь?

Руби надула губы:

– Ничего себе! Знаешь, ты предъявляешь нереальные запросы.

– Все или ничего, – ответила я. – А почему бы и нет? Ведь взамен я отдам всю себя. – Я вздохнула, подтянула колени к груди и уткнулась в них подбородком. – У меня есть год, чтобы придумать свой проект для аспирантуры в Гарварде. Может, вселенная показывает, что мне стоит какое-то время побыть одной, так, для разнообразия.

– М-м-м, – протянула Руби. – Значит, это вселенная нашептывает тебе приклеиться взглядом к Коннору Дрейку? Если так оно и есть, ты успешно справляешься с поставленной задачей.

Я засмеялась и привалилась плечом к подруге.

– Он действительно потрясающий. И эта улыбка...

– Иди поговори с ним. Тебе полезно провести эксперимент. Поболтай с ним, расспроси его. Посмотрим, сможешь ли ты поддержать непринужденную беседу. – Руби прищурилась. – Или тебе слабо?

– Тебе что, десять лет? – фыркнула я, глядя, как подруга впивается зубами в бутерброд с вареньем и запивает его глотком шоколадного напитка. – Хотя, вполне возможно, тебе и впрямь десять...

– Детская еда – самая лучшая, – парировала Руби. – А тебе слабо.

Я покачала головой, встала и стряхнула с юбки травинки.

– Не-а. Просто еще слишком рано. К тому же игроки – не мой тип. Ему, скорее всего, нужен только секс, и тут нет ничего плохого, просто это не для меня.

– Откуда тебе знать, что нужно Коннору, если ты даже ни разу с ним не говорила?

Я пожала плечами и закинула рюкзак на плечо.

– Думаю, мне не хочется с ним говорить. Пусть он останется для меня тайной, красавцем, которым восхищаешься издалека, не отрываясь от учебы. И на этой радостной ноте...

– Идешь в библиотеку? Уже?

– У меня есть сорок минут до следующей лекции. Пойдешь со мной?

Руби покачала головой и вытащила из своего коричневого бумажного пакета пачку хрустящих палочек из кукурузной муки.

– Итальянские мажорки не приступают к работе, пока не поедят. Это записано в учебном плане.

Я рассмеялась:

– Увидимся дома.

– Увидимся. Но раз уж Коннор тебе безразличен, я попробую затащить беднягу к нам домой, так что стучи, перед тем как войти.

Я в последний раз посмотрела на Коннора Дрейка, и в этот раз наши взгляды встретились.

У меня по спине пробежали мурашки, а потом в животе словно что-то затрепетало. Коннор ослепительно мне улыбнулся – зубы у него были белоснежные – и, подняв руку, помахал, словно мы с ним старые друзья.

Мои щеки запылали. Я быстро, дергано взмахнула рукой в ответ и поспешно ушла, низко опустив голову.

По дороге в библиотеку мое романтическое воображение разыгралось не на шутку: я гадала, думал ли Коннор обо мне так, как я думала о нем. Привлекла ли я его внимание в этот солнечный день во внутреннем университетском дворе так же, как он привлек мое внимание?

«Это чувство, – думала я. – Вот что мне нравится. Первый контакт. Момент легкой неловкости, который потом перерастает в нечто сильное и настоящее».

Вот только в случае с Марком все было так же. И пока я увлеченно строила наше совместное будущее, он его разрушал, кирпичик за кирпичиком, пока все здание не обрушилось.

Я обернулась и в последний раз посмотрела на Коннора Дрейка. Он снова смеялся вместе со своими друзьями, и на лице его опять была ослепительная, сияющая улыбка. Интересно, каково это – греться в лучах этой улыбки, подумала я и тут же отбросила мысль.

В моем списке больше не было сказочно красивых парней с улыбками победителей.

Глава вторая

Отем

Я поднялась по каменным ступеням в библиотеку и погрузилась в прохладу и тишину главного читального зала. Все длинные столы красного дерева, на которых стояли лампы с зелеными абажурами, были заняты. Один из университетских клубов занял сразу две трети зала. За остальными столами сидели студенты, которые, как и я, решили с места в карьер приступить к учебе.

Наконец я отыскала свободное место в конце одного стола, напротив светловолосого парня, погруженного в чтение. На столе лежал его открытый рюкзак, из которого вывалилась груда книг и тетрадей, занимая то место на столе, которое рассчитывала занять я.

– Извини, – прошептала я. – Можно?..

Молодой человек поднял глаза и посмотрел на меня слегка враждебно. У него были пронзительные сине-зеленые глаза и очень красивое, хоть и угловатое лицо. Высокие скулы, острый подбородок, длинный, прямой нос. В первую секунду он показался мне высеченным из гладкого камня, а потом его черты на миг смягчились, когда его взгляд упал на меня. В его глазах промелькнуло что-то вроде узнавания, и я прямо-таки увидела, как шестеренки у него в голове крутятся, анализируя увиденное, и делают заключение – очевидно, не слишком лестное, потому что его лицо снова посуровело.

– Да, конечно, – пробормотал он. Потом встал – он оказался высоким и худощавым, – перегнулся через стол и убрал свои вещи обратно в рюкзак.

– Спасибо, – поблагодарила я и подумала, что если этот парень не занимается баскетболом или бегом, то он наверняка модель.

«Так, подруга, соберись».

Я села, открыла учебник и начала читать. Не успела я одолеть и пары страниц, как слова начали расплываться у меня перед глазами, превращаясь в

нечитаемую белиберду, а по коже побежали мурашки из-за ощущения, что за мной наблюдают.

Я подняла глаза и утонула в сине-зеленом океане глаз сидевшего напротив парня. В их спокойной глубине промелькнул миллион мыслей, а потом молодой человек быстро опустил взгляд. Он сгорбился на стуле и спрятался за книгой – это был сборник стихов Уолта Уитмена. Я едва не растаяла. Милосердный Боже, такой красавчик – и вдруг читает стихи? В конце концов, я ведь просто человек.

«И именно поэтому у тебя сейчас разбито сердце».

Наверное, я нахмурилась, глядя на книгу, потому что державший ее юноша поднял ее повыше и спросил:

– Не любишь этого автора?

Я моргнула и вернулась к реальности.

– Нет. То есть люблю. Мне нравятся стихи Уитмена и поэзия в целом. Я просто... не важно.

Мгновение он смотрел на меня, потом медленно закрыл Уитмена и взял из своей стопки книг другую – это оказался роман «Атлант расправил плечи».

– Ух, это еще хуже, – пробормотала я, не подумав, потом покачала головой. – О господи. Извини, я оставила дома свой фильтр. Не слушай меня.

Губы юноши изогнулись в презрительной усмешке.

– В моей подборке книг есть хоть что-то, что ты готова одобрить?

«Красивый, умный засранец, – подумала я. – Игра началась».

– Извини. Я сегодня в плохом настроении и поэтому периодически забываю о манерах. Не буду тебе мешать читать эту капиталистическую пропаганду.

Брови юноши взлетели вверх, исчезнув под светлой челкой.

– Значит, Рэнд тебе тоже не нравится? – Он понимающе усмехнулся. – Ну, разумеется, не нравится.

От его небрежного тона все во мне вскипело.

– И что же ты хочешь этим сказать?

Парень кивнул на мой учебник – «Глобальная ответственность и эпидемия голода в странах третьего мира» – и пожал плечами, так, будто это все объясняло.

– Ой. – Я нахмурилась. – Ну... да. Я хочу сказать, Рэнд смотрит на мир с точки зрения капитализма, а я – нет.

Сидящий справа от меня студент переглянулся со студенткой, которая сидела напротив него, потом они оба встали, собрали свои книги и ушли.

– Мы мешаем остальным, – прошептала я. – Нужно перестать разговаривать.

Мой сосед по столу откинулся на спинку стула, не отрывая от меня пристального взгляда.

– И какова же твоя точка зрения?

– Моя что?

– Ты сказала, что не смотришь на мир с позиций капитализма. – Он выгнул бровь. – Какова же твоя позиция?

– Гуманистическая, я полагаю, раз уж ты спросил. Я считаю, что все люди, невзирая на расу, верования, уровень дохода и пол, заслуживают одинакового отношения. – Я тоже выгнула бровь. – Но ты так не считаешь?

– Ты спрашиваешь меня или утверждаешь? – проговорил он с легким смешком. – Раз уж мы взялись расклеивать ярлыки, я реалист. – Он снова взялся за книгу. – И я тоже не поклонник Рэнд.

– Вот как? – Я тоже откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди. – Ты что, подкалываешь меня?

– Возможно, – протянул он. – И вообще, какое тебе дело до того, что я думаю?

Уголки моих губ опустились.

– Мне нет до этого дела. Спасибо, что напомнил.

– Без проблем.

– Ух, а ты грубиян.

– Да, если верить слухам.

– Понятно, откуда взялись эти слухи. – Я подняла свою книгу, давая понять, что разговор окончен, но никак не могла сосредоточиться на тексте. Я ощущала присутствие своего соседа по столу, словно гудение электропроводов, которые вдруг заползли ко мне под кожу и мешают думать. Это жужжание сводило меня с ума. Я чувствовала себя так, словно мне бросили вызов.

А я никогда не пасовала перед вызовами.

Я опустила книгу и решительно подняла глаза, успев заметить, как парень снова прячется за своим томиком.

– Ну и? – требовательно спросила я.

– Что «ну и»?

«Почему ты за мной наблюдаешь?»

– Почему ты читаешь Айн Рэнд, если она тебе тоже не нравится?

– Задали по английской литературе, я ее изучаю факультативно.

– А твой основной предмет? Дай угадаю. Введение в право.

– Боже, нет, – ответил он.

Я вскинула брови, но он молчал.

– Мне что, перечислять весь список дисциплин, которые преподают в Амхерсте, пока я не угадаю, на чем ты специализируешься?

– Да, – сказал он. – В алфавитном порядке, пожалуйста.

У меня против воли вырвался смешок, и парень почти улыбнулся. Все острые углы на его лице словно сгладились.

– Экономика, – сказал он. – Правда, не знаю, что я буду делать с этим образованием дальше.

– Похоже, это самое честное признание из всего, что ты наговорил до сих пор, – заметила я.

– А для тебя это важно?

– Да, – ответила я. Смех умер у меня в груди, стоило мне вспомнить про Марка и ту голую девицу в его постели. – Честность очень важна.

Он дернул плечом.

– Ты не согласен? – поинтересовалась я.

– Порой честные ответы принимают за грубость.

– Тогда ты, наверное, очень честный.

И опять он почти улыбнулся.

– Должно быть, так.

Удовлетворенная тем, что не поддалась этому прекрасному, но враждебному представителю противоположного пола, я снова вернулась к чтению... на целых восемь секунд, а потом кожу вновь начало покалывать. Электрическое гудение его присутствия было невозможно игнорировать.

На этот раз, когда я подняла на него глаза, он не отвел взгляд, а кашлянул и проговорил:

– Я Уэстон Тёрнер.

Глава третья

Уэстон

Уже не в первый раз я видел эту девушку. Сегодня утром она была на лекции по экономике. Я обратил внимание на ее рыжие волосы; медно-рыжая прядь выбилась из пучка и ниспадала на фарфорово-белую шею. И вот она села за стол напротив меня.

Облокотившись о стол, она подперла ладонью подбородок и ответила с улыбкой.

– Отем Колдуэлл.

Все мысли вылетели у меня из головы, как всегда бывало на стартовой черте перед забегом.

Ее имя Отем.

Ну, конечно. Ее родители как будто знали, что она вырастет живым воплощением осени[6 - Игра слов. Имя героини «Autumn» в переводе с английского означает «осень»]. Волосы рыжие, как лес в октябре, когда опадают листья. Глаза светло-карие, но в радужках вспыхивают золотистые, зеленые и янтарные искорки, а сами глаза печальные. Невысокая: наверное, в ней было футов пять – крошка по сравнению с моими шестью футами и десятью дюймами – страстная и бесстрашная. Мне нравилось играть с людьми, выводя их из себя, и Отем показалась мне легкой целью. Однако, столкнувшись с моими подначками, она не отступила, дала мне отпор. Мне это понравилось.

Эта девушка мне понравилась.

А мне обычно никто не нравился.

Какое-то время мы молча смотрели друг на друга, потом Отем поерзала на стуле.

– Я сейчас ни с кем не встречаюсь, – сказала она.

Мне показалось, что меня ударили под дых пятидесятифутовым боулинговым шаром.

– Ладно, – проговорил я.

– Черт, извини, – прошептала она, и ее щеки заалели ярче. – Не подумай, что я навязываюсь. Я просто хотела сказать, что мне приятно было с тобой познакомиться, но сейчас мне нужно сосредоточиться на учебе. У меня полно работы. У меня две основные специализации, так что, если буду считать ворон, потеряю стипендию. – Она замахала руками. – Боже, кажется, я слишком много говорю...

У меня в душе все перевернулось. Ее платье выглядело дорого, кардиган был подобран в тон, и я, грешным делом, посчитал ее заносчивой и чопорной богатенькой девочкой.

«Ошибся, Тёрнер. Вот сиди теперь и не свисти».

– Я тоже на стипендии, – вырвалось у меня.

– О? – В ее улыбке проскользнуло облегчение из-за того, что мы в одной команде, если смотреть с финансовой точки зрения. – У тебя от кого?

– НССА[7 - НССА – Национальная студенческая спортивная ассоциация.]. За успехи в легкой атлетике. А твоя двойная специализация – это?..

– Социальная антропология и политология.

– Социальная антропология, – повторил я. – Ее обычно выбирают все гуманисты.

Она возвела глаза к потолку, и доверие на ее лице сменилось грустью, отчего золотые искорки у нее в глазах стали заметнее.

– А ты, я вижу, специализируешься на самоуверенных высказываниях, да?

– Мне это уже говорили раз или два.

– Не сомневаюсь. – Отем заправила за ухо рыжую прядь. – Социальная антропология – это учение о современных человеческих обществах и их развитии. Я хочу получить диплом магистра, который позволит мне развиваться как гуманисту.

– Амбициозное заявление, – заметил я, а сам подумал: «А еще хорошее. Благородное, искреннее». Список вещей, в которых я замечен не был.

– Возможно, я идеалистка, – сказала Отем, проводя пальцем по корешку учебника. – Строго говоря, диплом магистра по такой узкой специализации получить нельзя, поэтому я собираюсь создать проект, с которым поступлю в Гарвардскую высшую педагогическую школу.

– И на какую тему?

– Пока не знаю. Есть так много областей, требующих внимания. Например, как население Земли влияет на здравоохранение и окружающую среду. А может, сосредоточусь на правах инвалидов. Или напишу о том, как расизм действует на

людей на социально-экономических уровнях. Что-то в этом духе. – Она пожала плечами и потянулась к своей книге. – Знаю одно: хочу помогать другим.

Я знал одно: мне не хотелось заканчивать наш с ней разговор.

– Ты сегодня утром была в моей аудитории.

Она посмотрела на меня, ее карие глаза загорелись.

– Введение в экономику и влияние на окружающую среду?

Я кивнул.

– Не видела тебя.

– Я сидел на последнем ряду, а ты – на первом.

– Тебе нравятся эти лекции?

Я пожал плечами:

– Приходится их посещать, чтобы сдать основную специальность.

– Не слышу энтузиазма в твоем голосе.

– А он должен быть?

– Раз уж это будет твоей основной работой, логично предположить, что предмет тебе нравится. Я бы даже сказала, ты должен быть им увлечен.

– Не знаю, будет ли это моей работой, не говоря уже об увлеченности. Если позволять чувствам влиять на тебя при принятии важных жизненных решений, наверняка все испортишь.

В моем тоне явственно прозвучала горечь. Делом моей жизни должно было стать писательство, но мне пришлось отказаться от этой мечты. Не важно, что я

чувствовал по отношению к писательству, коль скоро мне нужно было поддержать свою семью. Кроме того, после фиаско Носочного Мальчика я не спешил делиться с другими своими переживаниями и чувствами. Вне занятий я записывал свои личные размышления в дневник и хранил его в запертом шкафчике.

Отем скрестила руки на груди.

– Полагаешь, чувства не важны?

– Чувства, – ответил я, – как миндалевидные железы. Большую часть времени бесполезны, но могут стать источником боли и дискомфорта.

Она рассмеялась:

– Вот, значит, какова альтернатива? Удалить их?

– Если бы это было возможно.

Судя по потрясенному выражению ее лица, это было последнее, что стоило говорить такой девушке, как Отем Колдуэлл.

Она откинулась на спинку стула, по-прежнему держа руки скрещенными на груди.

– Ну, думаю, страстное отношение к жизни – одна из причин, по которой мы приходим в этот мир. Исследовать жизнь во всех ее проявлениях, включая болезненные. Разве не отсюда происходит высокое искусство? Не из красоты и боли?

Я медленно кивнул:

– Полагаю, так и есть.

– Красота и боль, – повторила Отем, как будто разговаривала сама с собой. – Мне кажется, эти понятия неразделимы.

– Возможно, боль существует для того, чтобы мы научились ценить красоту, – предположил я.

Отем посмотрела на меня кротким взглядом. Ее глаза притягивали.

Мне захотелось быть ближе к этой девушке, но я был, что называется, запрограммирован отталкивать от себя людей – небольшое воспоминание о том, как папочка нас бросил, после чего мои самые сокровенные переживания растиражировали по всему Бостону. В конце концов, меня не просто так прозвали Амхерстской Задницей. У меня был мерзкий характер, а во время забегов я обгонял всех остальных участников, так что они буквально видели мою заднюю часть.

Я кашлянул, чтобы голос звучал подтвержде:

– А может, боль – это просто боль, и мы романтизируем ее, чтобы выжить.

Отем отпрянула:

– Твоя первая теория нравится мне больше. С другой стороны, моя соседка по комнате постоянно твердит, что я безнадежный романтик. Ну, или была им раньше.

– Была?

Отем грустно улыбнулась:

Я помахал рукой.

– Забудь. Извини. Я...

«Очень красивая».

Отем вздохнула – так могла бы вздыхать Джульетта на своем балконе, ее тонкие пальцы поигрывали ручкой.

– И вообще, что толку от романтики? Это просто красивые слова, которые ничего не значат, если за ними не стоят серьезные намерения.

Грусть в ее глазах, уже виденная мною ранее, вернулась, и я задумался, кто стал тому причиной. Что за урод обидел эту солнечную девушку и бросил ее в беде?

«Ей нужен хороший человек, который будет ее веселить, чтобы она всегда смеялась и улыбалась. Достойный парень с большим сердцем...»

– Привет, – прозвучал низкий голос у меня над головой. – Мы снова встретились.

Возле стола стоял, подбоченившись, Коннор, всемогущий король мира. При виде его глаза Отем расширились, она сглотнула. Я смотрел, как движется ее нежное горло, потом скользнул взглядом ниже, туда, где над воротом платья билась жилка. Коннор улыбнулся девушке сверху вниз, и она улыбнулась в ответ, у обоих на лицах было узнавание.

«Он первый ее встретил».

– Так и знал, что найду тебя здесь, – сказал Коннор, толкая меня в плечо. Он не сводил глаз с Отем. – Не думал, что меня ждет такой сюрприз. – Он протянул девушке руку. – Коннор Дрейк.

– Отем Колдуэлл, – ответила она, и ее щеки залились румянцем. Ее маленькая ручка утонула в его пятерне. Грусть исчезла из ее глаз.

– Мне показалось, ты сказал, будто вы уже знакомы, – проговорил я безжизненным тоном робота.

– Не совсем, – сказала Отем. – Мы просто помахали друг другу в качестве приветствия. А откуда вы двое знаете друг друга?

– Соседи по комнате, – ответил Коннор. – И друзья со средней школы.

– Как мило. – Отем начала собирать свои книги. – Вы оба местные?

– Из Бостона, – уточнил Коннор, наблюдая, как она кладет книги в рюкзачок. – Уже уходишь? Что, Уэс задал тебе жару?

Отем весело улыбнулась:

– Я ему не поддаюсь.

– Молодец, – одобрил Коннор. – Уэс любит корчить из себя морального урода, но в глубине души он... Вообще-то, нет, он действительно засранец.

Я стиснул зубы.

– Иди к черту, Дрейк.

– Нет, у нас была очень интересная беседа, – заметила Отем. – Но мне и впрямь пора.

– Понятно, – сказал Коннор. – Слушай, в эту субботу наша компания собирается в баре «У Янси». Знаешь, где это?

Отем выгнула бровь.

– Там лучший грушевый сидр в городе.

– Сам я специализируюсь на виски и пиве, но верю тебе на слово и обязательно попробую грушевый сидр. – Коннор подмигнул. – Ну, так что, ты придешь? Устроим небольшую гулянку, пока бедных студентов не погребли под грудой заданий?

Я наблюдал за их разговором, скрестив руки на груди, – парочка, похоже, позабыла о моем существовании.

– Может быть, – сказала Отем.

– Отлично! – воскликнул Коннор. – Увидимся там.

Девушка рассмеялась:

– Я сказала «может быть». – Она закинула рюкзак на плечо и пошла к выходу, но потом остановилась, обернулась и посмотрела на меня. – Пока, Уэстон. Приятно было с тобой поболтать.

Я деревянно кивнул.

– Ага.

Потому что именно это все великие писатели говорят девушке, если хотят произвести на нее впечатление. «Ага».

Я смотрел ей вслед, а Коннор ткнул меня кулаком в плечо.

– Она просто красotka, скажи?

– М-м-м.

Он плюхнулся на стул, который еще минуту назад занимала Отем.

– Не похожа на девушек, которых я обычно выбираю.

«Он ее выбрал». У меня в животе образовался тяжелый, холодный ком.

– Нет, она не похожа на других девушек, – медленно проговорил я. – Совсем не похожа.

– Звучит как предупреждение, – протянул Коннор и хохотнул.

– Я просто говорю, что она не произвела на меня впечатления девицы на одну ночь. Она...

«Особенная».

– Необычная, да? – Коннор улыбнулся. – Изящная и элегантная. Мне это нравится. Погоди-ка, я вам помешал? Ты на нее запал?

«Да».

– Нет, – услышал я свой голос. – Думаю, ей нравишься ты.

Коннор наклонился ко мне через стол и спросил напряженным голосом:

– Правда?

Я мог по пальцам одной руки сосчитать случаи, когда Коннору требовалось одобрение в любовных делах. Я знал его как облупленного и мгновенно уловил неуверенную нотку в его тоне. Его ослепительная улыбка на миг дрогнула. Очень редко Коннор хотел чего-то или нуждался в чем-то, чего не могли ему дать деньги, очарование и яркая внешность. Порой мне казалось, что сочинения – это все, что я могу вложить в нашу дружбу, хотя на самом деле сделал бы для друга что угодно.

– Я сдам назад, если она тебе нравится, – заверил меня Коннор и улыбнулся от уха до уха. – Братский кодекс, все дела. Даже если я увидел ее первым.

Я вспомнил, как просветлело лицо Отем, как грусть покинула ее, когда Коннор взял ее за руку

– Она придет в субботу, – сказал я. – Специально, чтобы увидеть тебя.

– Думаешь?

– Уверен.

– С ума сойти. – Он вскочил. – Идем, пора убираться отсюда. Если хочешь в этом семестре найти себе подружку для секса, в библиотеке тебе это не удастся.

«И не говори».

Я собрал свои вещи, и мы пошли к выходу.

– Может, Отем приведет с собой соседку по комнате или симпатичную подружку, – рассуждал Коннор, приобнимая меня за плечи. – Для тебя тоже есть надежда.

Я отпихнул его руку.

– Мне когда-нибудь требовалась твоя помощь, чтобы затащить девчонку в постель?

– Здесь? – Коннор широким жестом обвел внутренний двор. – Нет. Но во времена Носочного Мальчика тебе была нужна любая помощь.

– Да пошел ты, – огрызнулся я.

Впрочем, Коннор совершенно не хотел меня уязвить. Я был обязан ему по гроб жизни. Он был моим лучшим другом, и я любил его, как брата. Коннор не был большим романтиком, но ему это и не требовалось. Девушки млели от счастья просто потому, что он обратил на них внимание. Похоже, Отем тоже хорошо рядом с ним, она перестает грустить, да и Коннору она понравилась.

Это самое главное.

Глава четвертая

Отем

– У тебя свидание, – пропела Руби. – С Коннором Дрейком.

Я сделала большие глаза и посмотрела на отражение подруги в зеркале. Она лежала на животе на моей кровати и покачивала скрещенными ногами.

– Это не свидание, – повторила я уже в миллионный раз. – В баре «У Янси» собирается компания, мы тоже туда придем. Только и всего.

– И в этой «компании» будет Коннор.

– Да.

– И он тебя пригласил.

– Мы могли прийти и сами по себе.

– Держи карман шире, – фыркнула Руби. – За два года я ни разу не смогла вытащить тебя куда-нибудь потусоваться в первый день занятий.

Я пронзила ее отражение в зеркале убийственным взглядом.

– Нам не нужно приглашение, чтобы пойти в место, где мы бываем регулярно.

– Относительно регулярно, и, боже мой, до чего ты упрямая. И разборчивая. – Руби выгнула бровь. – Если это не свидание, почему ты так тщательно выбираешь одежду?

Я примеряла уже третье платье, темно-синее с узором из белых цветов, длиной до колен и с милыми пуговками на груди.

Дизайнерское платье, которое я откопала в секонд-хенде.

– Хочу хорошо выглядеть, – ответила я. – С чего ты решила, что я наряжаюсь для него?

– Избави меня, боже, от подобных мыслей, – пробормотала Руби.

Я отвернулась от зеркала и посмотрела на соседку по комнате.

– Это плохая идея.

Руби вздохнула:

– Мы посидим в баре «У Янси», и Коннор, возможно, будет там, как ты и сказала. Никакого давления. Просто попробуй повеселиться.

Я кивнула:

– Ты права. Я веду себя глупо. Не привыкла к... легкому флирту.

– Точно. – Руби скатилась с кровати и присела перед зеркалом. В черной юбке и белой блузке она выглядела ослепительно красивой, хотя не прилагала для этого никаких усилий. Она не стала ничего делать с волосами, просто надела на голову цветастую головную повязку.

Она обняла меня за плечи.

– Выпей стаканчик или два, узнай его получше. Только и всего.

– Только и всего, – повторила я. – Два стакана максимум. Мой бюджет строго ограничен, к тому же ты знаешь, что со мной бывает, если я выпью слишком много.

– Знаю, – подтвердила Руби. – Ты отрываешься по полной.

Я ткнула ее локтем в бок.

– А вдруг Марк тоже туда придет? С ней?

– Вот еще одна причина, чтобы пофлиртовать с Коннором. – Подруга надула губы. – Не обижайся, но Марк – просто младенец по сравнению с мистером Дрейком.

Мне немедленно захотелось встать на защиту Марка, и щекам стало жарко.

– Без комментариев.

Руби засмеялась:

– Вот молодец.

Мы вышли на улицу и стали ждать такси. Сентябрьский вечер был прохладным, так что я куталась в темный кардиган, а Руби натянула джинсовую куртку. Я никогда не носила джинсы – спустя восемнадцать лет, которые я проходила в джинсах на ферме, я поклялась сама себе, что никогда больше их не надену.

– Напомни еще раз, как там зовут этого соседа Коннора по комнате? – попросила Руби. – Уэстли?

– Уэстон.

– Что он собой представляет?

– Специализируется на экономике. Умный, но ершистый.

– Как так?

– Циничный. Он сравнил чувства с миндалевидными железами.

– Ух ты. – Руби рассмеялась. – Он сексуальный?

Я тут же подумала: «Он просто потрясающий», и мысленно ахнула. Откуда у меня такие мысли?

– Он высокий, – принялась перечислять я. – Блондин. Глаза голубые. Занимается легкой атлетикой.

– Легкой атлетикой... – У Руби округлились глаза. – Погоди-ка, это Уэс Тёрнер? О боже мой, где была моя голова? Ну, конечно. Это же Амхерстская Задница.

Я вытаращила глаза.

– Как-как?

– Ты и впрямь с другой планеты, да? Так прозвали Уэса другие бегуны за его жизнерадостное поведение. – Она усмехнулась. – С оппонентами он безжалостен.

– О-о, – протянула я. – Надо же. А мы с ним очень мило побеседовали.

Правда, Уэстон был не слишком-то дружелюбен, во всяком случае, поначалу.

«Однако в итоге мы нашли общий язык».

– А еще у него репутация искусного любовника. – Руби улыбнулась от уха до уха. – Сегодняшний вечер вдруг стал намного интереснее.

Я посмотрела на подругу, озаренную светом уличного фонаря: красивая, умная, повернута на парнях, но совершенно этого не стесняется в силу колоссальной самоуверенности. Я завидовала этой ее способности открыто выражать свои чувства.

«Если бы Уэстон попробовал над ней подшутить, Руби в ответ огрызнулась бы. Вполне возможно, они бы спелись».

От этой мысли мне почему-то стало не по себе.

Поездка в такси не заняла много времени, благо Амхерст – маленький городок. Бар «У Янси» находился всего в квартале от «Белого султана».

– Я долго тут не задержусь, – сказала я Руби, когда мы выходили из машины. – Завтра мне отрабатывать двойную смену.

– Скажи это Коннору, когда он сегодня вечером повезет тебя домой, – фыркнула Руби.

– Если сегодня вечером кто и повезет меня домой, то это ты.

Руби постаралась скопировать речь Джека Николсона – получилось у нее ужасно.

– Поверь, старина, я была бы самой счастливой девушкой на свете, если бы ты была в моем вкусе[8 - Переиначенная цитата из фильма «Лучше не бывает».]

Мы толкнули открывающиеся в обе стороны двери и вошли в бар, сразу погрузившись в облако пивных паров и запаха жирной еды. Все вокруг было отделано деревом, залито теплым желтым светом. На стенах висели пурпурные с белым флаги Амхерста. Стоявший в углу музыкальный центр проигрывал песню «Be Mine» дуэта «Ofenbach». Я сразу ее узнала. Дома мне редко удавалось послушать альтернативный рок, и в Амхерсте я в него влюбилась. Джинсы, любимые старые фильмы моей мамы и папины блюзы я оставила на ферме.

Музыка не перекрывала пощелкивание, раздававшееся над бильярдными столами в игровой зоне, – Руби мгновенно указала в ту сторону. Там, окруженный друзьями, стоял Коннор Дрейк и смеялся, запрокинув голову.

– А вот и он, – промурлыкала Руби. – Идем поздороваемся.

– Сначала я хочу выпить, – возразила я, увлекая подругу к длинной барной стойке.

– Пусть он купит тебе выпивку, – не сдавалась Руби. – С деньгами у него проблем нет, бог свидетель.

Я остановилась.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что его папочка владеет несметным количеством компаний, а его мамочка сенатор.

Я наморщила нос:

– Как?.. Ты что, собираешь досье на всех парней в округе?

– Мне казалось, все так поступают, разве нет? – Она рассмеялась и пихнула меня локтем. – В отличие от тебя, я обращаю внимание на то, что происходит вокруг,

а не только на содержимое учебников. – Она полюбовалась моим хмурым лицом. – Только не говори, что богатство Коннора оскорбляет твои нежные чувства деревенской девицы!

– Дело не в этом...

«Просто это еще одно различие между нами». Мне тут же вспомнились слова Уэстона, дескать, он учится в Амхерсте на стипендию.

– Не важно. – Я расправила плечи. – Это еще одна причина, по которой мне стоит самой заплатить за выпивку. Раз он богат, люди, наверное, полагают само собой разумеющимся, что ему следует платить за все.

– Возможно, – протянула Руби. – Но он богат не в том смысле, что водит хорошую машину и носит стильную одежду. Я имела в виду, он настолько богат, что, если у него из кармана вывалится тысячедолларовая купюра, он этого даже не заметит.

Руби лучше знать. Она была не так богата, как Дрейки, но ее мать, уроженка Ямайки, была профессиональной певицей, а отец-голландец работал крутым адвокатом в Бостоне. Руби любила повторять, что выиграла «стипендию Хаммонд». Ее родители платили за школу, так что ей не приходилось работать и можно было спокойно изучать итальянский.

Видя мой поскучевший взгляд, она выставила перед собой руки.

– Просто к слову пришлось. Нужно же отпраздновать твой первый выход в свет после расставания с Марком.

Я покачала головой, но улыбнулась, видя, что подруга искренне за меня переживает.

Подойдя к барной стойке, Руби заказала себе коктейль «7 и 7», а мне грушевый сидр. Она подняла стакан.

– За то, чтобы ты почаще выходила в свет и веселилась.

– Аминь, – ответила я, чокаясь с подругой.

– И за то, чтобы был секс.

– У тебя – да, а мне... еще рано.

Руби прищурилась и отодвинула свой стакан.

– Раз уж у нас зашел такой разговор... Скажи-ка, как Марк в постели? Хорош?

Я чуть не подавилась грушевым сидром, с трудом проглотила игристую жидкость и укоризненно пробормотала:

– Руби.

– Мне интересно, потому что ты встречалась с ним два года, но ни разу ничего не рассказывала. Ну, так как обстояли дела? Фейерверки?

– Я... Какое это имеет значение?

– Огромное, – припечатала Руби. – Ты скоро закончишь университет, а значит, должна спать с разными парнями и отрываться, но ты пропускаешь все веселье. – Она накрыла мою ладонь своей. – Мне жаль, что Марк тебя обманул... это невероятная подлость с его стороны, но я рада, что ты от него освободилась.

– Освободилась? – Я отдернула руку. – Он разбил мне сердце, Руби. Я его любила.

– Уверена? – Подруга снова выставила перед собой руки. – Честное слово, я не хочу с тобой ругаться, просто у меня никогда не возникало впечатления, что между вами вспыхивают искры. Это ведь ты говорила про электричество, не я.

Я ссутулилась, облокотилась о барную стойку и сказала:

– Никто не идеален, и я в том числе. Марк тоже не был идеальным, но мы с ним о многом беседовали, он понимал, к чему я стремлюсь в жизни.

Руби надула губы и отхлебнула свой коктейль.

– Мне больно видеть, как ты страдаешь, и все-таки я считаю, что у тебя в кои-то веки появился шанс начать все сначала. Такая труженица, как ты, заслуживает фейерверков.

Я хотела было запротестовать, но промолчала. Действительно, я много училась, а еще упорно работала над нашими с Марком отношениями. Я говорила себе, что период романтического электричества не может длиться вечно, тем более два года. Но мы в самом деле скатились к банальным разговорам и рутинному сексу; в конечном итоге эту рутину сломала – весьма зрелищно – другая девушка.

Я повернулась и посмотрела на бильярдные столы. Коннор Дрейк стоял в окружении друзей и натирал мелом кий. Вот к нему подошел какой-то парень, и Коннор с широкой улыбкой приветствовал вновь прибывшего, пожал ему руку, представил приятелям.

«Наверное, хорошо быть рядом с ним».

– Иди, – сказала Руби. – Просто подойди, поздоровайся, немного пофлиртуй и посмотри, что будет дальше. Ладно?

– Ладно, – вздохнула я. – Есть всего одна проблема.

– И какая же?

– Я совершенно не умею флиртовать.

– Для этого, подруга, и существует алкоголь. – Руби протянула мне мой стакан.

Я сердито посмотрела на нее, но допила сидр, хотя стакан был более чем наполовину полон.

Руби рассмеялась, когда я со стуком поставила пустой стакан на барную стойку.

– Аллилуйя, подружка.

Она прикончила свой коктейль и сделала бармену знак налить еще.

Грушевый сидр не самый крепкий в мире напиток, но из-за хрупкой комплекции, низкого роста и малого веса меня мгновенно повело. В голове приятно загудело, я ощутила уверенность в себе и зашагала к бильярдным столам, прямо к группе спортивного вида богатеньких парней и их подружек.

Я чувствовала, что Коннор не станет как-то выделять меня в присутствии других девушек, но и не отошлет на глазах своих закадычных друзей. Я не ошиблась. Едва увидев меня, Коннор тут же оборвал разговор, а его широкая улыбка стала еще шире.

– Эй, Уэс, – позвал он, чуть повернув голову, но не отрывая от меня взгляда. – Смотри, кто к нам пришел.

Я посмотрела в ту сторону, где предположительно находился человек, к которому обращался Коннор, и увидела на дальней стене бара три мишени для дартса. Уэстон обернулся, в руках он держал дротик. Когда он увидел меня, его глаза слегка расширились.

И мои тоже.

Руби наклонилась ко мне.

– Амхерстская Задница собственной персоной.

Я кивнула. Руби улыбнулась.

– Неплохо.

Уэстон был так же красив, как Коннор, хотя его привлекательность была совершенно иного рода. Если Коннор был широкоплеч и крепко сбит, Уэстон – высок и гибок. Коннор был одет в белую рубашку, плотно обтягивавшую его плечи, волосы у него были короче и зачесаны вверх. Уэстон был в черном, его золотистые волосы закрывали лоб. Не сводя с меня взгляда, он дернул головой, отбрасывая с глаз челку.

Коннор быстро подошел к нам.

– Привет! Ты все-таки пришла.

– Мы пришли, – уточнила я. – Это Руби, моя соседка по комнате. Руби Хаммонд, это Коннор Дрейк.

Знакомя их, я чувствовала себя очень странно, учитывая, что Руби знала про Коннора больше меня. Коннор сиял ее дружелюбной улыбкой, потом немедленно повернулся ко мне.

– Позволь купить тебе выпить. Я настаиваю. – Он обернулся через плечо. – Уэс, иди сюда, поздоровайся. Давайте сыграем.

Уэстон отвернулся от нас и метнул дротик точно в центр мишени, потом подошел к нам.

– Привет, – сказала я.

– Привет.

– Это моя соседка по комнате, Руби.

Уэстон глянул на Руби своими сине-зелеными глазами и снова уставился на меня.

– Привет.

– Приятно познакомиться, – проговорила Руби с кривоватой усмешкой.

– Пока Уэса не потыкаешь палочкой, то есть пока с ним не заговоришь, из него слова не выжмешь, – заметил Коннор со смешком.

Он представил нас своим приятелям – все они были бейсболистами или баскетболистами. Некоторых Руби знала и тут же завязала оживленную беседу.

– Давайте погоняем шары, – предложил Коннор Уэстону. – Декер, ты в деле?

Темноволосый парень, стоявший, привалившись к стене, отсалютовал ему бутылкой пива.

Коннор повернулся ко мне:

– Ты играешь?

– Играла пару раз, – ответила я с улыбкой, надеясь, что улыбка вышла игривая. Я допила последний глоток сидра, протянула пустой стакан Коннору, а сама забрала у него кий. – Можно я разобью?

Коннор поднял брови:

– Чувствуй себя как дома.

Я наклонилась над столом, прицелилась и ударила. Раздался громкий треск: посланный мною шар врезался в выставленные треугольником шары, разбросав их по зеленому сукну. Два шара отлетели прямиком в угловую и боковую лузы.

Коннор указал на меня пальцем и невозмутимо заявил:

– Эта девушка в моей команде.

Декер легонько присвистнул сквозь зубы.

– Ну ты и хитрец.

– Это точно. – Коннор повернулся ко мне. Его низкий, глубокий голос и запах одеколона – чистый, маскулинный и дорогой – окутывали меня, и по спине побежали мурашки. Каким-то волшебным образом все остальные посетители бара исчезли, остались только Коннор и я.

– Значит, ты играла пару раз, да?

– Я из маленького городка в Небраске, – ответила я. – Папа каждый воскресный вечер брал нас с братом в местную бильярдную.

– Да ты, оказывается, хитрюга, – усмехнулся Коннор. – Мне понравилось. Неожиданно. Уже хочется побольше о тебе узнать.

Вероятно, будь я трезвее, эта фраза показалась бы мне глупой и избитой, но я уже опьянела после двух пинт. Вдобавок само внимание Коннора Дрейка действовало на меня как дурман. Он был красив, стоял очень близко, смотрел только на меня своими большими зелеными глазами из-под темных бровей и широко улыбался – мне вдруг подумалось, что эти губы очень приятно целовать.

– Я полна сюрпризов, – ответила я, натирая кончик кия мелом.

– Вот как? – Улыбка Коннора стала нежнее. Он протянул руку, и на миг я решила, что он сейчас дотронется до меня, но Коннор замер. – У тебя ресничка на щеке.

Я потерла щеку в том месте, куда указывал Коннор, и почувствовала, что лицо прямо-таки горит. То, что Коннор хотел коснуться меня, но не коснулся, тронуло меня больше, чем если бы он все-таки снял ресницу с моего лица.

– Спасибо, – поблагодарила я.

– Всегда пожалуйста, – ответил Коннор. Он снова одарил меня ослепительной улыбкой, и я грелась в ее лучах. – Отем Колдуэлл из Небраски, – проговорил он, – давай играть.

Глава пятая

Уэстон

Я наблюдал, как Отем наклоняется над бильярдным столом и разбивает шары точно профи. Коннор наклонился к ней, и они о чем-то тихо заговорили. Потом он потянулся к ее лицу, но тут же отдернул руку. Классический прием Коннора Дрейка. Мэтт Декер, единственный из всех студентов Амхерста (кроме Коннора), которого я считал другом, тоже это заметил.

Он подтолкнул меня плечом, поднес к губам кий, как будто это микрофон, и тихо проговорил на манер комментатора игры в гольф:

– Сегодня вечером Коннор все делает правильно, ты так не считаешь, Уэс?

– В самом деле, Мэтт, – прошептал я в ответ. – Он в ударе. В ход пошел знаменитый прием Дрейка «несуществующая ресничка». Выполнено идеально. Давай посмотрим этот момент в повторе.

– Безупречно, Уэс. Какая техника. И рыжий судья дает ему заслуженные десять очков.

Декер фыркнул, а я отвернулся и глотнул пива.

«Я первым с ней заговорил».

До чего же глупо. Она же не территория, которую можно застолбить. Я не втыкал в нее флажок.

«Судя по тому, как у них с Коннором развиваются отношения, ты в ближайшее время ничего в нее не воткнешь».

Эта грубая мысль не могла заслонить правду: я всю неделю думал об Отем Колдуэлл. Мне нравилось с ней говорить, и если бы во время нашей беседы в библиотеке я оказался разговорчивее, то сейчас это я играл бы с ней в бильярд. Стоял бы там, рядом с ней, и она смотрела бы на меня снизу вверх своими удивительными светло-кариыми глазами. Вместо этого я отдал ее Коннору без боя.

– Уэс, – позвал Коннор. – О чем это вы с Декером так мило перешептываетесь? – Он как бы невзначай обнял Отем за плечи. – Мы с моим секретным оружием вас сделаем.

– Это мы еще посмотрим, Дрейк. – Декер повернулся ко мне: – Ты в деле?

Меньше всего мне сейчас хотелось играть в бильярд с Отем и Коннором, но дух борьбы, который я приобрел на улицах южного Бостона и развил на беговой

дорожке, выиграл во мне, как бывало всегда перед соревнованием.

– Ага, погнажи.

Мэтт Декер играл довольно прилично, а я всегда выигрывал у Коннора, однако оказалось, что Отем – настоящий самородок. Каждый шар, который они с Коннором забивали, давал Коннору возможность хлопнуть девушку по подставленной ладони, обнять или сказать что-то, от чего она улыбалась.

Очень скоро им осталось забить восьмой шар, а три наших шара все еще оставались на столе. Я прицеливался, готовясь ударить, а Коннор встал рядом с Отем возле противоположного края стола – очень близко, гораздо ближе, чем необходимо во время встречи, которая даже не является свиданием в полном смысле этого слова. Я сфокусировался на игре, но за миг до того, как я ударил кием по шару, Отем засмеялась. Кий в моих руках дернулся, скользнул по битку, и тот укатился напрямиком в лузу.

– Чува-а-ак, – застонал Декер.

– Проклятье, Уэс, – проговорил Коннор. – В последний раз видел, чтобы ты так промахивался, когда мы были в летнем лагере, но это было еще в восьмом классе.

– Отвали, – пробормотал я сквозь зубы и положил другой наш шар на стол.

– Это моя вина, – сказала Отем. – Папа учил нас вести себя тихо, пока противник прицеливается. – Она ослепительно мне улыбнулась. Очень искренне. – Простишь меня?

«Да. Я прощу тебе что угодно».

Вот черт. Эта девушка обвела меня вокруг пальца.

– Все в порядке, – пробурчал я как идиот и сделал большой глоток пива.

– Значит, вы двое знакомы с восьмого класса? – спросила Отем.

– Со средней школы, – ответил Коннор, рассматривая шары на столе.

– Ах, да, точно, ты говорил мне это в библиотеке. А теперь вы вместе учитесь в университете. Так мило.

– Ты это слышал, Тёрнер? – Коннор наклонился над столом, сосредоточенно глядя на шар. – В первый и последний раз кто-то использовал слово «мило» по отношению к тебе. Наверное, даже твоя мать никогда не называла тебя милым.

– Твоя мать назвала меня милым вчера вечером, Дрейк.

– Бум. – Не глядя на меня, Декер протянул руку, и мы с ним стукнулись кулаками.

– Я глубоко уязвлен, – протянул Коннор, прицеливаясь. – Так уязвлен, что, возможно, промахнусь...

Его кий дернулся вперед, ударил по битку, и тот отправил восьмой шар в угловую лузу. Игра окончена.

Коннор развел руками, торжествующе ухмыляясь.

– А может, и не промахнусь.

Декер сквозь зубы пробормотал проклятие. Мне было плевать на игру, но теперь я был вынужден наблюдать, как Коннор празднует победу вместе с Отем.

Они хлопнули друг друга по ладоням, а потом Коннор сделал еще один свой фирменный ход: ухватил девушку за руку и привлек к себе, заключив в медвежье объятие. В этом движении не было никакого сексуального подтекста, Коннор тут же выпустил Отем и отстранился, и все же я знал: он использует любую возможность прикоснуться к девушке невинно, по-дружески.

«Я не стал бы касаться тебя так быстро, – подумал я. – Я бы ждал. Оттягивал этот первый миг. Подготовил бы момент, чтобы, когда он наступил, когда мы впервые ощутили прикосновение к коже друг друга – это было бы потрясающе. Чтобы этот миг запомнился».

Я снова сделал большой глоток пива, как будто алкоголь мог помочь мне подавить раздражение и мою одержимость этой девушкой. Один разговор в библиотеке, одна игра в бильярд, несколько улыбок – и вот она уже накрепко засела у меня в голове, и от этого никуда не деться. Кроме того, меня не покидало странное ощущение узнавания: как будто я уже знаю эту девушку, встречал ее раньше. Полная бессмыслица, черт возьми.

«Да пошло оно все».

Я с размаху опустил пустую бутылку на барную стойку, выудил из кармана деньги и вручил их Декеру, чтобы тот купил еще выпивки.

– Этот раунд за мной, раз уж я так прокололся. Иди.

Декер усмехнулся:

– Сэр, да, сэр.

Я вернулся к игре в дартс, а Коннор и Отем снова принялись гонять шары. К ним присоединились Руби и еще пара ребят, а я старался не обращать внимания на их веселый смех и непринужденную болтовню.

Будучи в плохом настроении, я становился отличным дартсменом, а победы всегда поднимали мне настроение. В следующие двадцать минут я легко сделал двух своих соперников, отыграл деньги, отданные Мэтту, и набрал достаточно, чтобы хватило на поход в бар «У Янси» на следующей неделе. Посрамленные проигравшие потихоньку слиняли, и я продолжил развлекаться один.

Я прицелился, метнул дротик, и тот вонзился в сектор «20».

– Как тебе удалось научиться так здорово играть? – прозвучал совсем рядом голос Отем.

Я замер, держа дротик возле уха, потом медленно скосил глаза и увидел девушку. Она подмигнула мне поверх стакана, щеки у нее разругались.

– Представляю на месте мишени лицо своего врага, – ответил я.

Отем рассмеялась и уселась на ближайший табурет, а стакан поставила на стенной выступ.

– Вот как? И чье лицо ты представляешь сейчас?

«Свое».

– Хочешь сыграть? – предложил я. – Может, ты и в дартсе профи?

– О нет, – фыркнула девушка и подняла стакан. – Пью уже третий. Или четвертый? Мне сейчас нельзя давать в руки остроконечные предметы.

– С длинной палкой ты вроде бы неплохо управлялась. – Я покосился на Отем и метнул очередной дротик. – Что... решила ненадолго отвлечься от бильярда?

«И от моего лучшего друга?»

Она кивнула, и в свете лампы ее волосы вспыхнули медно-золотым отливом.

– Пришлось остановиться, пока я еще была на коне. Пока не начала промахиваться по шарам – хочу остаться для всех загадкой.

– Ты – коварная, загадочная профи-бильярдистка из Небраски.

– Это лучше, чем просто загадочная девушка с фермы из Небраски.

– Ты выросла на ферме?

– Ага, родилась и выросла. Мой отец выращивает кукурузу и пшеницу.

Мое глупое воображение немедленно нарисовало заманчивую картину: Отем стоит посреди пшеничного поля, кончики ее пальцев касаются спелых зерен, медно-рыжие волосы блестят на солнце. Подол простого платья полощется на ветру, обвивает ее колени, колосья пшеницы гнутся и колышутся вокруг, точно море...

– И как там? – спросил я. – В смысле, как тебе жизнь на ферме?

– Я очень ее любила, – сказала Отем, и ее карие глаза увлажнились. – Я обожаю землю. Люблю наблюдать, как отец работает, чтобы все вокруг росло.

Она слегка захмелела, и ее голос стал мягче, речь звучала медленнее, и ее выговор уроженки Среднего Запада стал еще заметнее.

– Но мне этого было мало. Я всегда хорошо училась в школе и всегда планировала заняться чем-то важным. Меня даже выбрали на роль Возможной спасительницы мира. – Она застенчиво улыбнулась. – Небольшое преувеличение.

Я пожал плечами.

– Лучше чем Мисс Конгениальность.

– А кем тебя выбирали?

– Мистером Конгениальность.

Она засмеялась.

– Обманщик.

– Меня вообще никем не выбирали.

Отем склонила голову набок.

– Вот как? Жаль. Я бы номинировала тебя на награду «Лучшие глаза».

Я дернулся, бросая дротик, и он отскочил от металлической рамы мишени.

Отем закрыла рот ладонью.

– Видишь, алкоголь действует на меня, как сыворотка правды. – Она вдруг нахмурилась. – Как же называлась та песня? «Океанские глаза»?

Я подобрал упавший дротик и вытащил остальные дротики из мишени.

– Никогда такую не слышал.

Отем напела несколько нот.

– Океанские глаза и блестящий ум. Отличная песня. Не просто один куплет, который хор повторяет снова и снова. Текст этой песни напоминает высокую поэзию. Знаешь? В ней говорится о серьезных вещах.

– Тебе нравится поэзия?

«Пожалуйста, скажи «нет».

– Обожаю поэзию. – Она прижала ладони к табурету, на котором сидела, и слегка поболтала ногами. – Люблю Дикинсон, Китса и Эдварда Эстлина Каммингса. Мне нравится, как несколько точно подобранных слов могут вызвать в душе глубокое чувство, создать определенное настроение или заставить тебя почувствовать нечто настоящее, понимаешь?

«Понимаю. Я полностью разделяю твои чувства, Отем».

Она покачала головой:

– Извини, я на секунду замечталась. О чем мы говорили до этого? Ах, да. Почему я покинула ферму.

– Ты хочешь спасти мир.

Я метнул очередной дротик. Сектор «19».

– Верно, – сказала она. – Мне хотелось выбраться из Небраски и использовать все способности, какие у меня есть, чтобы совершить что-то значимое.

– Есть так много областей, требующих внимания, а ты знаешь одно: ты хочешь помогать другим.

Она сдвинула тонкие брови.

– Как ты?..

– Ты говорила мне это в библиотеке.

Она рассмеялась и подняла стакан.

– Выпивка. Стирает не только фильтры, но и воспоминания.

Пока Отем пила, я позволил себе оглядеть ее с ног до головы. Она была такая хрупкая: невысокая и худенькая. Тело у нее было гибкое, как у танцовщицы, я мог бы легко подхватить ее на руки, словно пушинку, прижать к стене и целовать эти губы, пахнущие грушей...

«А потом я написал бы для тебя стихотворение о том, что ты чувствуешь ко мне и как сладко ты пахнешь...»

– ...Бостон?

Я резко вернулся к реальности.

– Что?

– Я спросила, не уроженец ли ты Массачусетса. Твой акцент похож на бостонский.

– Ага. – Я с силой метнул дротик. Десять. – Я вырос в Уоборне, рядом с Бостоном. Мама переехала в южный район города, когда мне было семь.

– Только твоя мама?

Я обернулся и посмотрел туда, где в большой компании стояли и смеялись Коннор с Руби.

– Извини, – проговорила Отем. – Это немного личный вопрос...

– Ага, только моя мама.

Вопрос о моем отце повис в воздухе, ответ вертелся у меня на кончике языка. Мне хотелось рассказать Отем свою историю, но пятничный вечер в баре «У Янси» показался мне неподходящим временем и местом, чтобы излить печальную историю Носочного Мальчика.

– У меня настолько сильный акцент? – спросил я.

– М-м-м-м-м... – Она отвела взгляд, пожевала губу и хитро улыбнулась. – По шкале Мэтта Дэймона из фильма «Умница Уилл Хантинг»?

Я засмеялся.

– Точно.

– Я бы сказала «восемь». До Мэтта Дэймона ты недотягиваешь, но продолжай работать над собой.

– Черт, да ну его, постараюсь от него избавиться.

– Только попробуй! – воскликнула Отем. – Твой акцент такой милый.

«У меня милый акцент, и Отем нравятся мои глаза».

Мне отчаянно захотелось остаться с ней наедине и чтобы мы оба были трезвые. Подвыпившая Отем очаровательна, но мне хотелось поговорить с девушкой, которую я встретил в библиотеке, с той, которая мучительно выбирала, какой сломанный кусочек этого мира исправить в первую очередь.

Отем осушила свой стакан и слегка покачнулась на табурете.

– Черт побери, плохо у меня получается ходить на свидания.

– Хочешь что-нибудь съесть? – предложил я. – Я принесу нам... принесу тебе чего-нибудь. Если хочешь.

– С другой стороны, я же не на свидании, – продолжала она, как будто не слыша меня. – Я просто веселюсь. Руби постоянно твердит, что мне следует почаще выходить в люди. – Она прикусила губу. – Говорю так, будто я затворница и занимаюсь только учебой, да? Я занимаюсь не только учебой. В смысле, я действительно много учусь, но я совсем недавно разорвала предыдущие отношения, так что сейчас я определенно не собираюсь начинать новые.

«С Коннором? Или... с кем бы то ни было?»

Отем закрыла глаза рукой.

– О боже, изливаю душу как безумная, уверена, тебе не хочется все это выслушивать. Надо было ограничиться двумя стаканами...

Девушка соскользнула с табурета, споткнулась, а я был слишком далеко, но, к счастью, ее подхватил Коннор, будь он не ладен.

– Ух ты, – пробормотал он с улыбкой. – Как ты?

Секунду Отем цеплялась за его руку, потом у нее покраснели щеки, и она поспешно отстранилась, спасая свою гордость.

– Я в порядке, – заверила она Коннора, поправляя юбку. – Я лучше пойду. Уже поздно. – Она огляделась. – Где Руби?

– Здесь. – Руби вклинилась между Коннором и Отем, так что им пришлось отступить друг от друга. – Пора нам откланяться.

– Я провожу вас и вызову такси, – сказал Коннор, вытаскивая из кармана телефон.

– Нет, спасибо, – отказалась Отем. – Мы сами справимся.

– Я справлюсь, – уточнила Руби.

– Ну, тогда держись, – проговорил Коннор. Он чуть пригасил блеск своей улыбки, чтобы она стала более интимной, как будто они с Отем одни в баре. – Я увижу тебя снова?

Отем прикусила губу.

– Не знаю. У меня много работы в этом семестре.

– Эй-эй, я понял! – воскликнул Коннор. – Приходи к Уэсу на соревнования по легкой атлетике в следующую субботу.

Я захлопал глазами.

– Я не понял, это что сейчас было?

Взгляд Отем метался от Коннора ко мне.

– В следующую субботу?

– Будет весело, – заверил ее Коннор. – Поболеем за нашего мальчика и помашем ему, только и всего.

– Это всего лишь предварительные соревнования, – сказал я. – Не бог весть какое дело.

«Пожалуйста, приходи».

«Прошу, не приходи».

Я стиснул зубы; да какая разница, придет Отем или нет? При любом раскладе я в полете.

– Может быть, – сказала Отем. – Посмотрим, стану ли я трезвенницей к тому времени. – Она улыбнулась Коннору. – Спасибо за сидр. И за игру. – Она посмотрела на меня. – Пока, Уэстон.

– Ага, – буркнул я, глядя, как она уходит под ручку с Руби.

Едва они скрылись за дверями бара, Коннор резко повернулся ко мне.

– Ну, ничего себе, она просто идеальна!

– Идеальна для чего?

– Для свиданий, ты, болван. Она гуманистка. Ты знал?

– Да. – Я посмотрел на дротик, которые сжимал в руке, и прицелился. – Я это знал.

Коннор сел на табурет, который совсем недавно занимала Отем.

– Она красивая, умная. Наверняка из хорошей семьи.

– Она с фермы в Небраске, – процедил я и метнул дротик. Четыре.

– Ага, но есть такие фермы, которые вполне сойдут за дворец в стиле ампир, – отмахнулся Коннор. – Если у ее семьи есть бизнес...

– У нее нет денег, – припечатал я. – Она учится здесь на стипендию.

– О. – Коннор помолчал секунду, а потом пожал плечами. – Тем лучше. Она соль земли. Только представь, как я приведу ее к нам домой. Родители проглотят это, не задумываясь.

Я глянул на него.

– Ты это о чем?

– Они меня достали, Уэс. – Коннор рассеянно ухватил полупустой стакан Отем с грушевым сидром. – Они думают, что я просто сплю со всеми подряд и ни к чему не отношусь серьезно.

– Это потому, что ты спишь со всеми подряд и ни к чему не относишься серьезно.

– Знаю, знаю. Но ведь я выбрал чертову специальность, которая мне никогда не пригодится.

Коннор тоже выбрал экономику, якобы потому, что я смог бы помогать ему с учебой, а на самом деле потому, что ничто другое его родители не одобрили бы.

– Так брось все, – предложил я. – Открывай свой спортбар.

– Ты же знаешь, родители ни гроша мне не дадут, пока я не получу диплом. И даже тогда я сомневаюсь...

– Мы уже сто раз это обсуждали, – вздохнул я. – Забудь про родительские деньги. Возьми ссуду в банке и сделай все сам.

– Ну конечно. Это же так легко – взять и отказаться от шести миллионов.

Я пожал плечами.

– Не понимаю, чем тебе поможет Отем. Если ты просто используешь ее, чтобы произвести впечатление на родителей... – Я метнул дротик. Восемнадцать. – Это будет подлость.

– Я бы никогда так не поступил. – Но Отем не похожа на девчонок, с которыми я встречался раньше. – Он отхлебнул сидра и скорчил недовольную мину. – Мать Божья, и эта малышка опьянела от этой грушевой водички? Это так мило. – Он хмыкнул. – Она чертовски мне нравится.

Я замер.

– Правда?

– Точно. Разве она может не нравиться?

Я стиснул зубы. «Разве она может не нравиться?»

Мой дротик полетел в мишень.

В яблочко.

Глава шестая

Уэстон

Утром следующего дня Коннор, облаченный во фланелевые штаны и футболку, шатаясь, вышел из своей комнаты и простонал:

– Черт возьми. – Он швырнул свой мобильный на дизайнерскую кушетку, купленную для нас его родителями. – Еще так рано, а они уже промывают мне мозги.

Я сидел на корточках возле входной двери и шнуровал кроссовки, но поднял голову при виде Коннора.

– Кто именно?

Коннор зевнул и обеими руками поскреб черноволосую голову.

– Дорогие мамочка и папочка решили, что хотят получать ежемесячный отчет о моих успехах на курсе экономики.

– Чего ради? – Я зашнуровал вторую кроссовку, потом встал и попрыгал на мысках, чтобы разогреться.

– Хотят убедиться, что я не прогаживаю учебу. Зачем же еще? – Коннор снова душераздирающе зевнул и устало поглядел на меня, щурясь от света. – Господи, Уэс, еще даже не рассвело.

– Десять миль, в дождь и зной, – ответил я.

– Знаю. Обычно я так рано не просыпаюсь, чтобы стать свидетелем твоих подвигов. От одного взгляда на тебя я чувствую бесконечную усталость.

– Думаю, тут уместно слово «зависть»...

Коннор фыркнул.

– Я серьезно. Мне хана. В математике я полный ноль.

Я прислонился к консоли возле двери и скрестил на груди руки.

– Что именно они сказали?

– Сказали, что я должен продемонстрировать «ответственный подход к делу», а еще доказать, что могу применить полученные на курсе экономики знания и что пошел сюда учиться вовсе не потому, что так поступил ты.

– Какой облом.

Он рассмеялся.

– Заткнись.

– Так сделай что требуется, – посоветовал я. – Когда получишь диплом, сможешь использовать приобретенные знания для управления спортбаром.

Привычная ослепительная улыбка Коннора стала кислой.

– И в довершение этого ультиматума они мне все уши прожужжали про то, как Джефферсон собирается закончить Гарвард с отличием. Как будто я успел об этом забыть, они же постоянно этим хвастаются. Вдобавок он встречается с какой-то светской львицей из Коннектикута. Похоже, дело идет к помолвке.

– Бедняга.

Инстинкт подсказывал мне, что Коннор сумел бы обойтись без родительских денег и при этом стал бы куда счастливее. Я был благодарен за все те случаи, когда Дрейки выручали мою маму из беды, а также же за то, что мы с Коннором живем как короли, в отдельной квартире рядом с территорией универа, а платят за нее опять же Дрейки. Вот только теперь я чувствовал себя перед ними в неоплатном долгу.

Я подошел к другу и хлопнул его по плечу.

– Ты хочешь остаться в Амхерсте?

– Конечно, хочу, – ответил он, и счастливая улыбка снова озарила его лицо. – Ты же без меня пропадешь.

Я усмехнулся.

– Тогда приложи все усилия. Я тебе помогу, если будет нужно.

– Прямо как в старые добрые времена? – спросил он. – Разве что не нужно будет так много писать.

– Верно. Но с математикой у меня проблем нет.

– Да тебе все предметы легко даются.

– Кто же спорит? – фыркнул я и направился к двери.

– Эй, Уэс?

Я обернулся.

– Чего?

– Спасибо.

У меня на языке вертелся язвительный ответ, но я не стал его озвучивать. Мой лучший друг сгорбился на кушетке, придавленный весом родительских ожиданий.

– Без проблем, старик, – ответил я.

– Наслаждайся своей пыткой. – Коннор вытянулся на кушетке, закрыв глаза рукой. – Кстати говоря, надеюсь, Отем завтра придет за тебя поболеть.

Я крепко стиснул дверную ручку.

– Ах, да.

Беспокойство на лице Коннора уступило место сонной улыбке.

– Не могу выбросить из головы эту девушку.

«Встань в очередь».

Не говоря больше ни слова, я вышел в прохладу раннего сентябрьского утра. На востоке едва-едва занималась заря. Мне стало немного зябко в черной толстовке с длинным рукавом и черных спортивных штанах до колен. Медно-рыжий солнечный свет становился все ярче, а я побежал по дорожкам вдоль территории кампуса.

Бег действовал на меня успокаивающе, прочищал мозги и немного гасил боль, сжигающую мою душу. Если мне не хотелось слушать музыку, я мысленно повторял следующую мантру:

«Наплюй на него.

Забудь его.

Он ушел».

Но после встречи с Отем я сменил пластинку и во время пробежки твердил себе вот что:

«Забудь обо всем.

Не думай о ней.

Живи дальше».

Я не понимал, почему, черт возьми, не могу выбросить из головы эту девушку. В Амхерсте пруд пруди умных, хорошеньких девчонок, многих из которых я знал в библейском смысле этого слова. И все же прекрасная улыбка и очарование Отем Колдуэлл заполняли каждое мгновение моего бодрствования. То хорошее и цельное, что было в ней, взывало к моей испорченности и сломленности.

«Забудь обо всем.

Не думай о ней.

Живи дальше».

Я слил эти слова с ритмом, который мои ноги отбивали по асфальту, вклинивал их между выдохами и вдохами.

В тот день этот трюк не сработал. Отем Колдуэлл постоянно стояла у меня перед глазами, и я не мог от нее убежать.

* * *

Позже днем я сидел на своем любимом занятии, которое называлось: «Поэзия, литература и стихосложение». Моей основной специальностью была экономика, а одной из факультативных – английская литература, таким образом я спрятал свой по-настоящему любимый предмет за надежной ширмой.

В конце занятия профессор Ондивьюж задал нам задание: написать стих.

– Объект страстной привязанности, – сказал он со своего места у доски в нижней части аудитории. Лет тридцати пяти, с гладкой, темной кожей, он смотрел на нас умными, весело поблескивавшими глазами. Профессор носил дреды, ниспадавшие до лацканов его серого пиджака.

– Я хочу, чтобы вы подошли к делу творчески. Разумеется, объектом страсти может быть человек, но еще и мечта, сон, какой-то предмет, скажем, последний айфон...

По аудитории, в которой собралось шестьдесят студентов, прокатилась волна смешков.

– Приложите все усилия и ничего не упустите, – продолжал профессор. – Ведь искусство не имеет границ. Если к концу года вы вынесете хоть самую малость из моих уроков, пусть это будет вот что: поэзия – наши мысли, которые мы облачаем в слова, – так же безгранична, как сами наши мысли.

Студенты одобрительно загудели.

– Мистер Тёрнер, – окликнул меня профессор Ондивьюж, когда остальные потянулись к входу. – Не могли бы вы уделить мне минуту?

Я закинул рюкзак на плечо и по боковой лестнице спустился к столу преподавателя, стараясь сохранять спокойствие. Вполне возможно, Майкл Ондивьюж был единственным человеком на планете, мнение которого меня волновало. В возрасте двадцати четырех лет он выиграл премию Уильяма Карлоса Уильямса за поэзию. Сборник его стихов «Последняя песня Африки» – потрепанный, весь в загнутых уголках и подчеркиваниях – занимал почетное место на моей книжной полке.

Профессор присел на край своего стола и перебирал какие-то бумаги.

– Я прочитал эссе и стихотворение, которые вы сдали две недели назад, – объявил он. – И то и другое вышло очень хорошо. Даже великолепно.

– Спасибо, сэр, – ответил я. Каждая клеточка моего тела так и вопила: «Вот это да! Майкл Ондивьюж только что похвалил мою работу!»

Профессор поднял глаза от бумаг и пристально посмотрел на меня, так, словно хотел прочесть мои мысли. Наконец он спросил:

– Английская литература для вас факультативный предмет?

– Верно.

– Что вы собираетесь делать с основной экономической специальностью?

– Не знаю. Буду работать на Уолл-стрит.

– Вот чем вы хотите заниматься?

– Для моей семьи было бы лучше, – медленно проговорил я, – если бы я нашел хорошую работу и имел стабильный доход.

Ондивьюж кивнул.

– Понимаю, но не могу позволить вашему таланту уйти в песок на задворках моего класса, он должен проявиться.

Я поудобнее передвинул на плече рюкзак.

– Хорошо.

– Когда я читаю вашу работу, то чувствую, что ее автор – молодой человек, сгорающий от внутреннего огня, но запертый в кольце холодных стен.

Профессор смотрел на меня в упор. Я не отвел взгляд и медленно кивнул.

– Парень, у которого поэзия в крови, – продолжал Ондивьюж. – Однако он не проливает свою кровь там, где ее могут увидеть другие. Он сидит на последнем ряду. Не разговаривает. А между тем слова внутри копятся. Для такого ума, для такого сердца эмоции становятся невыносимым грузом, накапливаются и могут хлынуть через край. Это опасно. И больно. – Он сверлил меня взглядом. – Не так ли?

Никто еще не говорил со мной так. Он как будто хотел вскрыть мне грудную клетку и достать то, что я прячу внутри, слова и мысли, которые я хранил в себе. Инстинктивно мне захотелось уйти, а еще лучше – убежать. Но в глубине души я желал остаться рядом с человеком, посвятившим свою жизнь поэзии, реальности, к которой и я мог бы потянуться и, возможно, даже достичь.

Я снова передвинул лямку рюкзака.

Профессор Ондивьюж снова улыбнулся.

– Я вижу вас, мистер Тёрнер, но еще хочу слышать. Когда будете работать над объектом сильной привязанности, вложите в этот труд всю свою душу, весь огонь, всю кровь. Дайте мне все это.

– Все? – Я нервно улыбнулся. – Только и всего, да?

Ондивьюж положил руку мне на плечо.

– Я знаю, что все это у вас есть.

* * *

После занятий я вернулся в квартиру, сел в свою раздолбанную машину и поехал в кафе-пекарню «Белый султан», чтобы заправиться богатой углеводами пищей – большим сэндвичем, как делал всегда накануне соревнований.

Свой автомобиль, пятнадцатилетний «Додж Стратус», я купил по окончании школы на часть денег, предназначенных на оплату моего обучения. Дрейки пытались подарить мне что-то получше, но я отказался. Пусть машина старая, летом заводится с третьего раза, а зимой только с десятого, но она моя.

На парковке возле нашего дома моя машина стояла рядом с новеньким «Доджем Хэллкетом» Коннора, шикарной тачкой на восемь миллионов лошадиных сил.

«А теперь ловкость рук и никакого мошенничества», – подумал я, садясь в седан и поворачивая ключ в зажигании. С третьего раза тачка кашлянула дымом, и

мотор завелся.

В «Белом султানে» я сел за столик в углу, заказал сэндвич с ростками фасоли и огурцом на пшеничном хлебе и уставился на пустую страницу открытой тетради, на которой должен был начертать стихотворение в стиле «выверни душу наизнанку».

Профессор Ондивьюж заглянул мне в душу, и ничто не укрылось от его зоркого ока. Он знал, что я не говорил о своих чувствах, но перекладывал их на бумагу. Я любил папу. Я звал его, используя свой голос, кричал ему вслед, а он, черт побери, все равно взял и уехал. Он забрал эту любовь и вышвырнул за ненадобностью, как мусор. Больше я никогда не стану чувствовать себя таким беззащитным, ни перед кем не буду показывать своих переживаний. Во всяком случае, не буду высказывать их вслух. Другое дело, запись.

«Это больно, не так ли?»

Еще как больно. Значит, у меня в душе полно огня и крови, есть о чем написать.

Я взялся за ручку и занес ее над бумагой. «Давай сделаем это, засранец...»

Пять минут спустя я закончил рисовать логотип хоккейного клуба «Брюинз».

Я перевернул страницу, и мои мысли унеслись куда-то вдаль. Страница начала заполняться строками, посвященными медно-рыжим волосам и глазам, сверкающим, точно драгоценные камни.

– Черт, нет. Только не это.

Я зачеркнул написанное и попробовал снова. Ручка порхала над страницей, и появилось предложение.

«Подобны осени ее глаза...»

Я вырвал страницу из тетради и скомкал.

В течение следующего часа посетители заходили в пекарню, проходили мимо моего столика. Неторопливый, ленивый вечер выходного дня. Эдмон, здоровяк-француз, обычно распевавший оперные арии и цитировавший сонеты, сегодня отсутствовал, но Фил стоял, привалившись к прилавку, и что-то читал в мобильном телефоне.

Я прикончил половину сэндвича и вновь взялся за ручку.

«Да выбери ты уже какой-то другой объект пламенной страсти. Почему непременно она? Бег. Напиши о беге».

Это безопасно и просто. Можно описать адреналин, бурлящий в мышцах за секунды до стартового выстрела. Каково это – перелетать через препятствия. Финишировать с палочкой в руке, когда легкие горят огнем...

«А осень ждет меня у финишной черты, и обнимает невзирая на пот, и награждает поцелуем...»

– О господи...

Я уже намеревался встать и уйти, как вдруг дверь пекарни распахнулась, и вошел Объект моей страстной привязанности. Рыжеволосая, в зеленом платье, она выглядела словно пригоршня рубинов и изумрудов. Мое глупое сердце пустилось в галоп, а потом едва не остановилось, когда нежное лицо девушки обратилось ко мне и просияло.

– Привет! – воскликнула она. – Вот уж не ожидала встретить тебя здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Моя дорогая (фр.).

2

Моя дорогая малышка (фр.).

3

Какое безобразие! (фр.)

4

Хорошо (фр.).

5

Да (фр.).

6

Игра слов. Имя героини «Autumn» в переводе с английского означает «осень».

7

НССА – Национальная студенческая спортивная ассоциация.

8

Переиначенная цитата из фильма «Лучше не бывает».

Купить: https://telnovel.com/ru/skott_emma/dotyanut-sya-do-zvezd

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)